

Э
м
м
а
С
е
р
с
а
н
д
М
а
р
и
э
м
С
а
н
д
и

Д
о
ч
ь
к
л
а
н
а
п
р
и
з
р
а
ч
н
ы
х
в
о
и
н
о
в

Эмма Серсанд

Дочь клана призрачных воинов

«Литнет»

2026

Серсанд Э.

Дочь клана призрачных воинов / Э. Серсанд — «Литнет», 2026

В Японии говорят, – «Луна сегодня красивая, не так ли?» Это значит «я люблю тебя», когда правила приличия и долг требуют молчания. Мы связаны с самого рождения, но разделены невидимой чертой чужих ожиданий и долга перед кланами. Нам не предназначено быть вместе, ведь реальность не знает жалости к юным сердцам. Сможет ли эта чистая и хрупкая первая любовь выстоять, против моего векового предназначения? Что победит: вековые традиции и обязательства перед семьями или настоящее чувство, которое можно выразить лишь одним едва заметным взглядом? Читайте чувственную историю в стиле любимых дорам, где каждое мгновение заставляет сердце биться чаще.

© Серсанд Э., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Осень моего рождения.	5
Глава 2. Моя восьмая зима	8
Глава 3.Тринадцатая весна	10
Глава 4. Шестнадцать лет: Последнее лето первой жизни.	13
Глава 5. Дорога в неизвестность.	17
Глава 6. Позаботьтесь о моей новой жизни	24
Глава 7. Ветер в соснах	31
Глава 8. Право на имя.	41
Глава 9. Когда звенит черный фурин.	47
Глава 10. Прощание с осенней обителью.	53
Глава 11. Последнее напутствие	55
Глава 12. Дары наследницы и невесты.	57
Глава 13. Между прошлым и будущим	60
Глава 14. Странности странных людей.	65
Глава 15. Новая встреча.	70
Глава 16. Иней на ветке это то, что было росой.	81
Глава 17. Бездарность или пример для подражания?	85
Глава 18. Падение в пропасть его объятий	88
Глава 19. Нити прошлого	91
Глава 20. Сад недоступного забвения	95
Глава 21. Шелк, скрывающий сталь.	97
Глава 22. Взросление детских фантазий.	100
Глава 23. Выбор не пары	103
Глава 24. Как умеют танцевать каракури.	106
Глава 25. Игры обиженных девочек.	112
Глава 26. Жребий	117
Глава 27. Нити снова пересекаются	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Глава 1. Осень моего рождения.

Люди думают, что когда закрываешь глаза, наступает темнота... они ошибаются. Это отсутствие света – лишь ее ущербный отголосок.

Настоящая, полная темнота – это первое, что я помню в своей жизни: темнота, обнимающее меня мягкое давление и звук, похожий на монотонный дождь, бьющий каплями по жестяной крыше.

Это и четыре последних громких удара сердца моей матери, я услышала их, а потом наступила тревожная тишина, ее сердце навсегда остановилось.

Внутри скользнул ледяной холод, он распространился медленно, словно кто-то влил в меня глоток ледяной воды и она, ошутимая, растекалась по моему крошечному, еще теплому тельцу.

А потом был холод, чувство одиночества, резкий запах трав и чужой голос:

– Затихающий пульс, слабое дыхание... – сказала санба – опытная повитуха, которую отец привел для родов матери. Она уже считала, что я не жилец.

– Недостаток жизненной энергии, а может, влияние злых духов. Хотите чтоб выжила, нужно звать Хариси.

– Таких денег у меня нет, – раздраженно ответил ей мужской голос, – вы вообще знаете, сколько они берут за свои иголки! – его голос сорвался на неприятный визг, резанувший по ушам.

Мать моя уже остывала в соседней комнате, а меня завернули в ткань и унесли на кухню умирать.

Просто сунули в пустую коробку от мандаринов, стоящую на грубом деревянном столе у окна.

Отец сразу же ушел к маме, а я лежала с открытыми глазами и впервые смотрела на этот мир, наблюдая, как с тонкой ветки голой ивы за окном в беспросветную серость осеннего дня медленно опадает последний желтый лист.

– Станный ребёнок, – сказала санба, покидая наш дом. – Вообще не плачет, и смотрит так, что мне от нее страшно.

Смотрела я не на них, а на своего первого друга. Такой же пухлощекий младенец, как и я, смотрел на меня серьезным взглядом с рук своей матери, а я смотрела на него в ответ, остальные присутствия этих двоих, кажется, не замечали.

Отец никогда не брал меня на руки, только разглядывал иногда пристально, но я запомнила его запах: сигареты, дешёвый лосьон после бритья и горечь потери.

Он просто стоял в дверях комнаты и смотрел на меня как на вещь, которую не знал куда деть. Наверное, ждал, когда я умру, чтобы выбросить. Но я все не умирала.

– Назови, – потребовала бабушка, мать отца, которая приехала ухаживать за мной из деревни. – Без имени ее душа застрянет. Ты и так уже натворил дел.

Имя давалось только на седьмой день, но она боялась, что моя душа может отправиться вслед за матерью в мир духов и, наверное, хотела привязать ее этим именем к телу.

– Ей понадобится защита, безымянный ребенок невидим для богов, но открыт для злых духов, – подтвердила мои догадки бабушка, кажется, она была единственной, кто хотел, чтобы я жила.

Отец посмотрел на коробку с чаем. На этикетке была яркая радуга, мост через водопад на старой гравюре Хокуся.

– Аями, – резко выдохнул он и ушёл, хлопнув дверью.

Красочное море... или море красок.

В моей последующей серой жизни, это имя было словно насмешка.

Через день мы переехали, хотя бабушка отговаривала отца, – Ребенок совсем слабый, куда ее в такой путь? Позови сначала Хариси!

Думаю, отцу было безразлично, буду я жить или умру, потому что мастера иглоукалывания – Хариси – он так и не пригласил, вместо этого мы отправились в путь.

Мы все время переезжали, словно бежали от кого-то, но все это проходило мимо меня, мой друг все равно был рядом.

Он показывал мне свои красивые игрушки, маму, служанок и красивый дом, а я не понимала, что все это не в моей жизни.

Я была абсолютно счастлива тогда, потому что тоже жила в этом красивом и любящем мире вместе с ним.

А потом, после очередного переезда, отец привёл в дом Эцуко-сан.

Она пахла дешевыми духами и привела с собой двоих детей – Рёхей-кун, младенец, которого она беспрестанно тискала и целовала, и Акеми-тян, девчонка на пару лет старше его.

Ее первый взгляд на меня я запомнила на всю жизнь, дочь Эцуко-сан посмотрела в очередную картонную коробку, где я лежала, и сказала отцу:

– А нельзя ее просто выбросить на помойку?

Мой друг громко расплакался на руках у своей кормилицы и швырнул в нее серебряную погремушку, а я впервые в своей жизни улыбнулась.

Глава 2. Моя восьмая зима

Моей кроватью был старый матрас в чулане за кухней.

Матрас пах плесенью и маринадом, над головой была полка с соленьями, однажды банка умэбоси – маринованных слив, упала на меня ночью.

– Как ты это терпишь? – Кацуро, так звали моего друга, с которым мы не расставались все эти восемь лет, смотрел на меня, прищулив от ярости свои красивые глаза.

Я только вздохнула печально, – Это моя семья, больше у меня никого нет, – я шептала очень тихо, чтобы никто не услышал, что я опять разговариваю с ним.

За это меня били и запирали на ночь в покосившемся сарае на заднем дворе, подальше от нормальных людей, как говорила моя мачеха.

– Они относятся к тебе как прислуге, да что там, – он взъерошил свою длинную челку, – к прислуге в моем доме относятся намного лучше!

Он злился и повышал голос, а я радовалась тому, что и он и книга с красивыми картинками, которую мы вместе читали сидя на моем матрасе, не реальны и с ними ничего не случилось, поранилась и испачкалась только я и мой матрас.

И даже когда он кричал, кроме меня его никто не слышал.

Рассол залил всю постель, а осколки оцарапали мое лицо и руки, но мои раны зажили, а матрас так и хранил память об этом событии.

Утром я вставала раньше всех, топила печь, ставила вариться рис и резала дайкон для супа.

В восемь лет я варила мисо так, что старушка-соседка очень хвалила, когда однажды я принесла ее угостить.

Кацуро пробовал приносить мне вкусности со своего обеда, но как и книга, они были недоступны для меня, я могла только смотреть.

Он перелистывал для меня страницы и я жадно читала и рассматривала картинки, мне так хотелось поддержать эти книги в руках и почувствовать тепло руки Кацуро, когда он прикасался ко мне, говоря, – Ты молодец, так быстро читаешь и пишешь красивее меня.

Дома меня никто не хвалил, ни за успехи в учебе, ни за приготовленный обед, Эцуко-сан пробовала и всегда морщилась:

– Пересолила, Аями-тян, ты совсем без рук.

Пересаливала я специально, это единственная месть, которую могла себе позволить маленькая девочка, сама я бы не сделала и этого, но мой друг Кацуро однажды подговорил меня и с довольным видом наблюдал за результатом. Так что иногда я позволяла себе эту месть.

Рёхей-кун тоже ходил в школу и был очень сильный для своих лет, хватал за волосы, когда хотел пройти и, если я не отходила, бил ногой по голени.

Я молча все терпела, терпеть я научилась в этой семье раньше, чем писать иероглифы.

Кацуро сходил с ума в такие моменты от того, что не может никак ему помешать.

Потом он утешал меня как мог, говорил, что я должна учиться и когда вырасту, смогу уйти из этого дома навсегда.

Однажды в школе учительница спросила:

– Сатоми-сан, откуда синяк на щеке?

Я посмотрела в ее глаза, равнодушие и беспокойство о себе.

– Ударилась о дверь, Сато-сэнсэй, – ответила то, что от меня ждали.

Она мне поверила, как верили все, потому что не верить и разбираться было сложнее, и разрушало внутреннее спокойствие...

Вечером я делала уроки вместе с Кацуро в своем чулане при свете керосиновой лампы, Акеми-тян зашла без стука, заглянула в мою тетрадь, засмеялась:

– Иероглиф «смерть»? Зачем тебе, Аями? Ты и так на неё похожа.

Три черты, похожие на сломанную ветку. Я обводила их снова и снова, пока бумага не протёрлась.

– Не слушай ее, ты очень красивая, Аями.

Глава 3.Тринадцатая весна

Этой весной, когда сакура только начинала розоветь, Рёхей-кун сломал мне ребра.

За секунду до удара, я смотрела на хрупкие лепестки, медленно падающие на каменные плиты и думала: «Как красиво. Жаль, что не видела раньше».

Кацуро стоял там, подняв голову вверх, и лепестки, казалось, танцевали вокруг него, а у меня защемило в сердце от этой картины.

Почему-то это дерево никогда раньше не цвело, корявое и больное, оно росло в нашем нищем районе как красивая рамка, обрамляя вид на богатый город вдалеке.

– Смотри, Аями, отсюда видно пагоду моего рода, – сказал Кацуро и указал рукой на восток.

Высокие пагоды скребли небо своими крышами, в прозрачной голубизне неба проплывал величественный дирижабль, где-то вдали раздавался гудок паровоза...

А потом удар ногой в бок.

Я упала на колени, скатилась с крыльца, прямо под ноги ошарашенного Кацуро, ударившись еще и головой, воздух вышел из лёгких, показалось будто навсегда.

Внутри боль пустоты, словно открылась брешь, и всё, что когда-либо чувствовала, вытекло через неё в одном резком неожиданном выдохе вместе с воздухом.

– Ненормальная, опять со своим выдуманным дружкой разговариваешь, я так и знал! – Рёхей-кун перешагнул через меня и спокойно ушёл играть на улицу.

Кацуро метался вокруг него, ругался, пытался схватить, ударить, но... он был лишь плодом моего воображения. Выдуманный друг, который ничем не может помочь.

В доме больше никого не было, я лежала у крыльца, пытаюсь снова вдохнуть и не понимая, что случилось, а бледно-розовые лепестки медленно кружили и падали уже на меня.

За что?

Я слишком долго стояла на его пути? Недостаточно быстро убрала в его комнате? Просто плохое настроение?

Вечером в бесплатной больнице для бедных врач ощупал рёбра, я даже не вздрогнула, хоть и чувствовала острую боль при каждом вдохе.

– Перелом, – сказал Накамура-сэнсэй отцу. – Два ребра. Как это случилось?

Отец – Такаси-сан – стоял у стены, засунув руки в карманы, он посмотрел на меня. Я – на него. Он ждал, что я солгу за него, как обычно.

– Я упала, поскользнулась на ступенях, – опуская глаза, тихо выдохнула я.

Накамура-сэнсэй кивнул, выписал рецепт на обезболивающее, Такаси-сан не стал его даже брать, когда мы уходили, белый листок так и остался лежать на краю стола.

Ночью я лежала в чулане, прижимая подушку к груди, чтобы не дать себе дышать глубоко.

Каждый вдох отдавался в боку острой болью, будто в меня втыкали иглу и я сжимала зубы, чтобы не плакать.

Плакать было нельзя, Эцуко-сан, если услышит, то скажет: «Ноешь, как покойница» и вышвырнет спать в холодный сарай.

После этой весны, видеть Кацуро я стала реже.

Дорогие читатели, впервые хочу поучаствовать в конкурсе с книгой, надеюсь на вашу поддержку♥ Спасибо, что читаете♥

Глава 4. Шестнадцать лет: Последнее лето первой жизни.

Рёхею-куну было уже восемнадцать. Он пил с друзьями дешёвое саке на пустыре, а я возвращалась по рельсам старой железной дороги из общественной библиотеки.

Танака-сан, библиотекарьша, разрешала сидеть там до закрытия, говорила: «Такой усердной девочке нужно учиться».

Я вспоминала слова Кацуро и мечтала, что смогу выучиться на машиниста паровоза и уехать куда-то далеко, а еще лучше пилотом дирижабля, ему не нужна проложенная железом дорога, он может лететь, подвластный лишь пилоту и ветрам, но девушек в пилоты не брали.

– Эй, Аями, – окликнул меня Рёхей-кун. – Помоги донести бутылки.

Я знала, что он врёт, но всё равно подошла, понимая, иначе будет только хуже.

Его друзья схватили меня сзади, заломили руки, зажали рот. Рёхей-кун только засмеялся громко, пьяно, как лает злая собака.

Я не сопротивлялась, сопротивление всегда раззадоривало его только сильнее.

Меня потащили к старому складу, внутри запустение и хлам, и среди всего этого какой-то старый металлический короб, ржавый, огромный, как железный гроб.

– Посидишь тут до утра, – сказал Рёхей-кун, открывая дверь. – Подумаешь о своем поведении, Аями, а то научилась рот не к месту открывать.

Крышка захлопнулась и пришла темнота, я никогда ее не боялась. Темнота была моим другом как... Кацуро. Я сидела на корточках, обхватив колени и терпеливо ждала утра.

Снаружи иногда шумели поезда, станция была в двух кварталах. Гул проникал сквозь стены, качал воздух, напоминая, что мир все же существует, просто этой ночью не для меня.

А потом я поняла, что что-то не так.

Я зевала, не как обычно, когда хочешь спать, а все чаще и чаще и это чувство...

Когда легкие расширяются, но этот вдох пустой, будто воздух в тебе не держится, не насыщает и хочется вдыхать еще и еще, все чаще.

В ушах стучало, кровь пульсировала в моей голове и мысли стали вязкими и медленными.

А потом стенки ящика растворились и из темноты выступил он.

Полупрозрачный мужчина в старинном кимоно с катаной у пояса. Волосы собраны в пучок, бледное красивое лицо.

На меня повеяло холодом и наступила тишина. Поезда перестали шуметь, стих ветер за стеной. Мир будто задержал дыхание вместе со мной.

Он не был похож на то, как я видела Кацуро раньше, Кацуро казался мне настоящим и то, что это не так, я понимала только потому, что его кроме меня никто больше не видел.

А этот мужчина... хоть я и видела все отчетливо, складки его одежды, потёртость на рукояти меча, тонкие белые шрамы на пальцах, но все это было немного прозрачным.

Он сел напротив меня, скрестив ноги, положил руки на колени.

– Ты умрёшь здесь, – сказал мне призрак.

– Откуда вы знаете? – с трудом прошептала я дрожащим от страха голосом.

– Потому что твоя смерть здесь и сейчас, но я ждал тебя слишком долго, чтобы просто отпустить в пустоту.

– Я умру, только потому что меня заперли здесь? Это не может быть правдой!

В глазах призрака появилось что-то похожее на боль.

– Ты задохнешься, Аями, этот короб, хоть и стар, но в него не поступает воздух, но у тебя моя кровь, ты вернешься, Аями, потому что ты нужна мне. – Он замолчал, улыбаясь немного грустно.

– Моё имя Кагэхира-доно. Но ты узнаешь всё позже, а сейчас не сопротивляйся, подчинись своей судьбе, засыпай. Слышишь меня, девочка?

– Слышу.

Сознание и так уже ускользало, когда он протянул полупрозрачную руку и положил ее мне на лоб.

Холод этого прикосновения проникал в мое тело и я закрыла глаза, стараясь не паниковать, заставляя мышцы расслабиться, погружаясь в сон.

– Не бойся, это еще не все, – шепнул призрак, обдав холодом кожу у моего уха и я провалилась в сон.

Или смерть.

Рёхей-кун действительно пришел утром чтобы выпустить меня, он выглядел испуганным и протрезевшим, я видела, как он вытаскивает мое окоченевшее, непослушное тело из ящика.

А потом, оглядывается по сторонам, он тряс меня, пытаясь привести в чувство, а когда понял, что я и правда умерла, запаниковал. Он бросил мое тело и убежал.

Я очнулась и увидела склонившееся надо мной лицо.

– Жива, – сказал Ямамото-сэнсэй. – Невероятно, столько времени без сердцебиения.

Я смотрела в потолок сарая и искала глазами мужчину в старинном кимоно, но его нигде не было.

Дома, когда меня принесли в мою комнатушку, я не спала, смотрела в потолок и ждала, но он больше не приходил.

Зато пришла Эцуко-сан, не спросила как я, с порога заявила.

– Ты порченная, Аями-тян. Мать твоя тоже была порченная, потому и умерла, я вызову человека, он выгонит из тебя демона.

Я хотела сказать: «Во мне нет демонов». Но промолчала, зная, что это бесполезно.

– Она была мертвая, совсем мертвая, я сам видел, она точно умерла!

Рёхей-кун горячо шептал это своей матери, торопливо глотая окончания слов, почти захлебываясь эмоциями и страхом в темноте.

С тех пор как меня нашли и привезли домой, он ко мне не подходил, шарахался в сторону, стоило мне только посмотреть на него. Я подслушала этот разговор случайно, а через три дня в наш дом пришел человек.

Толстый мужчина в белом, с медной чашей, пучком сушёной полыни и тыквой-горлянкой на поясе. Он жёг траву, бормотал сутры и брызгал на меня солёной водой.

Кагэхира-доно внезапно появился в углу комнаты, стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на шарлатана с таким презрением, от которого у меня ледяные мурашки побежали по спине.

Шарлатан ничего не видел.

Бормотал себе дальше свои заклинания.

– Девочка одержима, – объявил он наконец. – Нужно запереть ее в деревянной клетке.

Глава 5. Дорога в неизвестность.

– Да-да, клетка или пристройка, чтобы она не позорила семью и не вредила окружающим. Потом я попытаюсь изгнать из нее демона, – он потряс перед моим носом пустым тыквенным сосудом.

Эцуко-сан кивнула, но я смотрела не на нее, я смотрела на отца.

Такаси-сан стоял в дверях и, как обычно в сложных ситуациях, смотрел в пол.

– Завтра же нужно позвать мастера делать клетку, – велела ему мачеха.

Кагэхира-доно склонил голову набок, посмотрел на меня, в его глазах была насмешка и печаль, словно он ожидал такого итога, но где-то в глубине своей призрачной души все же надеялся на другой исход. Но эта надежда умерла и теперь он насмехался над собственной глупой верой в человечность этих людей.

– Идём со мной, – прошептал он одними губами, будто боясь, что его могут услышать.

– Куда?

– Отсюда.

На следующее утро я вышла из дома и просто пошла куда глаза глядят.

Я шла за призрачным воином в неизвестность и была абсолютно уверена в правильности происходящего.

Чем дальше я отходила от дома, тем лучше себя чувствовала и тем легче становилось у меня на душе.

Мы направлялись в сторону богатых районов, в большой город, где таким как я было совсем не место, я понимала это, но все равно шла.

Дома-развалюхи постепенно сменялись красивыми домиками с садами, на улицах все чаще попадались всадники на горделивых конях в нарядной сбруе и с дорогими седлами.

Иногда проезжали автомобили, блестя холеными лакированными боками на солнце.

Я шла и смотрела по сторонам на этот город, совсем мне не привычный, будто я в какой-то момент перешла невидимую грань от серости к свету и ярким краскам, раскрашивающим жизни других людей с рождения.

Наверное, для них все это было обыденностью, а я будто попала в другой мир, полный волшебства и радости.

– Теперь стой здесь, мои потомки тебя найдут, не уходи с этого места, – сказал призрак и растворился, словно его и не было, а я подумала о том, что, наверное, все же умерла.

И все это мне видится в предсмертной агонии моего слабого тела.

Я долго растерянно стояла на оживленной улице в своей давно прохудившейся одежде, чувствуя собственную чуждость этому миру счастливых людей.

Кацуро, как же мне не хватает тебя... Почему ты больше не приходишь? Я начинаю забывать твое лицо...

В какой-то момент я решила, что все мне привиделось, и смерть, и призрак, решила, что я просто больна и стоять здесь и ждать неизвестно чего – смешно и грустно. Скоро меня, так бедно одетую, заметят конные стражники и начнутся расспросы, а я даже не знаю, что сказать...

Но вдруг ко мне подошли. Сначала рядом резко остановилась красивая машина, я никогда не видела их вблизи.

Не каждому богачу автомобили были по карману, а потом открылась дверь и из нее вышли двое.

Встали, уставившись на меня тяжелыми взглядами, один протянул руку и молча дотронулся до меня.

– Ты живая?

Он словно удивился этому, а я не знала правильный ответ, поклонилась почтительно, – Я ни в чем не уверена.

Мужчины переглянулись.

– Дома разберемся, – бросил один из них, окинул меня еще одним недоуменным взглядом и велел уже мне, – Садись в машину, девочка.

Я замерла нерешительно у раскрытой для меня двери, внутри машина была такой дорогой и чистой, мне казалась, я могу испачкать ее одним своим присутствием.

– Поторопись, нам долго добираться, – подтолкнул меня в спину строгий голос, и я торопливо забралась внутрь.

Мы ехали за город очень долго, дорога извивалась, как ленивая толстая змея, среди роскошных усадеб знатных семей, чем дальше мы уезжали, тем реже попадались дома, а прилегающие к ним уголья становились все больше.

Пару раз нам встречались патрули конных воинов в красивых блестящих доспехах, мы обогнали паровоз с пассажирскими вагонами, не такой, какие мне удавалось увидеть раньше. Сверкающий металлом и прозрачными стеклами.

– Ты ничего не хочешь спросить?

Один из мужчин развернулся ко мне, спокойное лицо, ни одной напряженной мышцы, не понятно, что он за человек.

– Нет. – Ответила я, не сводя с него взгляда, такая светлая кожа, почти как у меня, большие темные глаза, внешность благородного, но плечи широкие, как у воина и эти экономные движения.

Плавные, уверенные, мне нравилось, как он повернул голову, как напряглись мышцы шеи, а потом повернулись и плечи, немного замедленно, словно он осознанно сдерживал свою силу.

Он смотрел на меня темными как сливы глазами, словно пытался понять без слов и вопросов, кто сейчас перед ним.

– Мы едем в резиденцию клана призрачных воинов. Теперь мы твоя семья.

Он сказал это и отвернулся, а у меня дрогнула уголки губ. Семья? Интересно, что под этим подразумевают такие люди...

Вдоль дороги уже давно не попадалось других домов и садов, только лес, бесконечный и древний, последние полчаса езды.

А потом появился этот особняк, словно древний дворец, взобравшийся до середины холма и надменно взиравший на лес и дорогу, ведущую к его входу. Он медленно рос по мере нашего приближения и становился все больше и величественней. Мне почти не верилось, что меня туда пустят... должно быть это какая-то ошибка?

Нас встретили у ворот молчаливые прислужники, поклонились мужчинам и мне за одно.

Я поклонилась в ответ, хоть уже и не понимала, должна ли это делать.

Я поднималась за своими сопровождающими по многочисленным ступеням, ведущим к величественной пагоде и думала о том, что почему-то даже не удивлена.

Словно всю жизнь ждала именно этого. Новой семьи, новой жизни, нового начала. Я надеялась... что хоть здесь я буду нужна.

Лестница кончилась.

Мы стояли перед огромными воротами из почерневшего дерева, и я впервые за всю дорогу почувствовала настоящий страх.

Я знала страх боли и унижений, как страх перед Рёхеем-куном или холодным молчанием отца.

Я привыкла к ежедневному страху, что останусь голодной и не смогу уснуть.

Но это было совсем новое чувство, торжественный трепет души, я испытывала его впервые. Страх, переходящий в восхищение, как-будто стоишь на краю обрыва и смотришь вниз.

Пока я размышляла, бесшумно, словно их двигала невидимая рука, перед нами открылись створки ворот.

– Проходи, – сказал один из мужчин. – Глава клана уже ждёт тебя.

Я переступила порог и замерла.

Поместье раскинулось передо мной каскадом террас, уходящих вверх по склону холма.

Каменные фонари в человеческий рост стояли вдоль извилистых дорожек, но внутри них горели не свечи, а дрожали маленькие холодные огоньки, бледно-голубые, как зимнее небо. Магия места.

Я только слышала о таком, но видеть не приходилось никогда.

В мире электричества, магия казалась мне еще большим чудом, чем дирижабли, способные без нее летать по воздуху.

Старые сосны росли прямо посреди каменных плит, их корни вздымали мостовую, будто именно они здесь были хозяевами и люди уступали им и течению времени, не противясь и не пытаясь исправить.

Между стволами мелькали красные арки миниатюрных мостиков, куда они вели, я не видела, потому что за соснами начинался туман.

Не обычный, как в нашем районе по утру, этот будто жил собственной жизнью, стелился по земле плотными ключьями, и в нём что-то медленно двигалось.

Красиво и жутко одновременно.

И под каждым фонарём, на каждой скамейке, в тени каждого дерева я видела духов.

Полупрозрачные мужчины в доспехах и женщины в старых кимоно, слуги с подносами и дети, бегающие между ног призрачных взрослых.

Все они вдруг остановились, отвлеклись от своих потусторонних дел и посмотрели на меня.

Все.

– Ты их видишь, – сказал мужчина с тёмными глазами.

Я кивнула, больше всего удивляясь, что вижу не только я. Говорить не получалось, горло почему-то сжалось, даже вдохнуть не могла.

– Хорошо. Пойдём.

Он повёл меня через двор, мимо круглого пруда с тёмной водой, в которой отражались бледные огоньки, пляшущие на поверхности, и силуэта карпа, медленно проплывающего под водой.

Главное здание оказалось ближе, чем мне показалось снизу, несколько этажей тёмного дерева, крыша из черепицы цвета старой бронзы, на коньках резные драконы с глазами из зелёного нефрита.

Их взгляды пристально следили за мной, когда я поднималась по широким каменным ступеням.

Двери разъехались в стороны и мы прошли в длинный коридор, остановились перед последней дверью.

Самой высокой, с изящным рисунком сосны – иней на ветках, летящий журавль – по телу прошла холодная дрожь, словно я стояла на пороге зимнего сада.

– Входи, – сказал мужчина и отступил в сторону. Я осталась одна перед дверью, которая открылась сама.

Комната за ней оказалась огромной настолько, что я не сразу нашла взглядом её конец. Сначала я увидела золотистые циновки, идеально чистые, ни одной пылинки.

Потом взгляд зацепился за алтарь в дальнем углу с горящими свечами, затем я увидела иероглиф на свитке, висящем на стене: «Пустота» и только потом я увидела пожилую женщину.

Она сидела в центре комнаты на низкой подставке, ноги поджаты под себя, руки спокойно лежат на коленях.

Старинное кимоно цвета увядшей хризантемы из роскошной ткани и седые волосы, собранные в пучок, заколоты черепаховым гребнем.

Красивая такой красотой, что доступна лишь тем, кто прожил жизнь достойно и без сожалений, лицо покрыто сеткой морщин – они совсем не портили ее красоту. Как трещины на древней вазе, что делают ее только ценнее.

Мне нравилось это лицо.

Лицо, по морщинам которого можно понять, что за человек перед тобой, смотришь на такое и понимаешь, как этот человек прожил свою длинную жизнь.

Но глаза, глаза у неё были молодыми.

– Девочка, подойди, – прозвучал ее спокойный голос и эхом отозвался в комнате.

Глава 6. Позаботьтесь о моей новой жизни

Я робко подошла и остановилась в трёх шагах, поклонилась низко, как учила первая бабушка в детстве, когда мы ходили с ней в маленький деревенский храм.

Старуха усмехнулась беззвучно, только уголки губ дрогнули едва заметно.

– Вижу, кланяться ты умеешь.

Она замолчала.

Я стояла, замерев в полупоклоне, пока она пристально меня рассматривала, чувствуя, как её взгляд проходит сквозь меня, будто ледяная вода.

– Ты уже умерла, – сказала она наконец. – Я почувствовала это, нашему клану присущ этот дар – мы знаем, когда умирают те, кто могут вернуться и стать призрачными воинами.

Она все смотрела на меня, наверное, ждала моей реакции, а я не удивлялась и не задавала вопросов. Просто принимала ее слова, как есть.

Как правду, полностью оправдывающую мое странное существование.

– Ты возродилась, Аями, без нашей помощи. Это может означать только одно, в тебе кровь прародителя.

Истинная кровь клана призрачных воинов, а значит, ты моя внучка, дочь моей глупой дочери, променявшей клан на любовь. Если ты достойна, я воспитаю из тебя преемницу, Аями.

Мое сердце пропустило удар, а потом забилося быстро-быстро, эта женщина – моя бабушка? Оба-сама? Моя родная кровь?

Она приподняла руку, поманив меня ближе, жест был медленным, но я чувствовала в нём силу, которая могла бы быть опасной, если бы старуха этого захотела. Она вовсе не выглядела безобидной старушкой.

– Дай рассмотрю тебя получше, – сухая рука с пергаментной кожей, дотронулась до моей щеки.

– Ты так похожа на свою мать... И эти глаза...

Прохладные пальцы медленно провели линию от виска, ниже, повторяя овал моего лица.

Не знаю почему, но мне пережало горло, я не знала маму, но одно упоминание о ней вызывало необъяснимую, иррациональную тоску.

– Ты должна понять, внучка, ты не такая как все. Сатоми Аями, ты стоишь одной ногой в мире живых, другой у Призрачной Грани.

Призрачная Грань.

Она убрала руку.

– Хочешь остаться здесь, со мной?

Я сглотнула ком в горле и, опустив глаза на свои обветренные руки, ответила.

– Хочу.

Старуха улыбнулась, наклонила голову набок и ее глаза довольно блеснули в свете свечей, – Ты можешь стать Призрачным Воином. Будешь служить клану, а клан будет служить тебе, ты больше никогда не будешь одна.

Я подняла голову, посмотрела прямо в глаза своей бабушки.

– Мне больше некуда идти, в доме отца меня посадят в деревянную клетку и, рано или поздно, снова убьют. Я хочу здесь остаться, Сатоми-сама, позаботьтесь обо мне. – Твердо сказала я и низко поклонилась.

Мой голос совсем не дрожал, я вообще перестала дрожать где-то по дороге, когда мы проезжали мимо паровоза с прозрачными стёклами. – Другого пути у меня нет.

– Другого пути нет, – задумчиво повторила за мной женщина, она хлопнула в ладоши, и дверь за моей спиной открылась. Вошёл мужчина.

– Рендзо, отведи Аями в комнату молодой госпожи. Пусть отмоется, поест и хорошо отдохнет. Завтра начнём ее готовить.

Рендзо кивнул и взял меня за локоть, придерживая.

Бабушка уже не смотрела на меня, её глаза были устремлены на иероглиф «Пустота».

Рендзо повёл меня по длинному коридору, я ступала босиком по холодному дереву и думала о том, что впервые в жизни кто-то сказал мне: «Ты больше никогда не будешь одна».

Я не знала, верить ли этому.

До этого дня, если рядом не было Кацуро, я всегда чувствовала одиночество, только он, пусть и нереальный, по настоящему был со мной.

Но сейчас выбора у меня действительно не было.

Комната, куда Рендзо привёл меня, оказалась большой и чистой, циновки пахли рисом и солнцем, в углу стоял низкий стол, на полу высокие светильники.

Окно выходило во внутренний сад, где в темноте угадывались силуэты сосен и мерцали бледные огоньки.

– Вода нагреется через час, – сказал Рендзо, кивнув на ширму в углу, за ней угадывалась деревянная бадья. – Когда температура станет подходящей, просто вынь кристалл и положи сюда, – он указал на бронзовую чашу с ножками, стоящую у бадьи. – Одежду оставь на пороге, тебе принесут новую. Еду тоже.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но я его окликнула:

– Рендзо-сан?

Он остановился, но не обернулся, просто замер, ожидая пока я соберусь с мыслями.

– Сатоми-сама сказала... что я буду служить клану. Что я должна делать? Завтра?

– Учиться, – ответил он коротко и вышел.

Утром меня разбудил стук в дверь, не громкий, но очень настойчивый. Я даже не помнила, как уснула, должно быть, тело просто отключилось вчера, когда силы кончились, чистая и сытая, я заснула, стоило мне прилечь в мягкую постель.

– Вставай, – голос Рендзо. – Глава ждёт, умывайся и выходи.

Я торопливо плеснула в лицо холодной водой из кувшина, натянула одежду, которую оставили у порога – простое тёмно-синее кимоно, новое, плотное и тёплое. В таких ходили в богатых домах.

На меня никто не смотрел, когда я шла по коридорам. Прислужники, их было много, все молчаливые и быстрые, скользили мимо нас, не поднимая глаз.

Иногда я замечала краем глаза полупрозрачные фигуры, но они тоже почти не обращали на меня внимания.

Словно я уже стала частью этого места.

Бабушка ждала меня в той же комнате, что и вчера.

– Садись, Аями.

Я села, неловко поджав ноги, но старуха не торопилась, ждала, пока я устроюсь.

– Ты знаешь, где ты сейчас находишься? – спросила она.

– В... поместье клана.

– В «Осенней обители», – поправила она. – Это наше родовое гнездо, здесь живет твоя новая семья – по крови и те, кого мы приняли к себе в род из-за наличия у них такого же дара. Мне сказали, ты видела души наших предков?

– Я видела призраков вчера в саду.

Бабушка улыбнулась довольно, – это хорошо, значит наша кровь в тебе сильна. Многие не видят. Они не напугали тебя?

Я тоже улыбнулась робко, непривычно под ее любопытствующим взглядом, – Нет, я не боюсь призраков, я боюсь людей.

– С этого дня можешь ничего не бояться, наш дом оберегает магия места, сюда не проникнет ничто, что может причинить тебе вред. Дух прародителя в этих стенах может становиться почти материальным, и ты должна познакомиться с ним. После завтрака мы отправимся в его сад, ты сама все увидишь.

Она помолчала, потом достала из рукава газетный лист. Сложенный вчетверо, пожелтевший по краям, не старый, просто дешёвая бумага. Положила его на циновку передо мной.

– Прочитай, Аями.

Я развернула лист, газета называлась «Накано дэйли» – маленькая районная газетёнка, такие печатали для бедных кварталов, где люди не могли позволить себе подписку на крупные издания.

Вторая страница. Небольшая заметка в углу. Заголовок жирными иероглифами:

«Трагедия на заброшенном складе: подросток погибла от несчастного случая»

Я читала и не понимала.

Семнадцатого числа сего месяца на заброшенном складе в районе Хигаси-Накано было обнаружено тело шестнадцатилетней Такаси Аями. По предварительным данным, девушка задохнулась в старом ящике, куда забралась сама в поисках укрытия. Полиция склоняется к версии несчастного случая. Соседи описывают погибшую как тихую, замкнутую девушку...

Дальше слова стали размытыми и нечеткими «проблемы в семье», «отсутствие друзей», «возможно, депрессия».

Я непонимающе посмотрела на бабушку и почувствовала как влага потекла из глаз.

– Это я?

– Это та, кем ты была, – ответила старуха. – Теперь этой девочки больше не существует. Её тело «кремировано» – мы позаботились об этом, через три дня будет поминальная служба в местном храме.

Я представила, как у ворот крематория стоят люди в чёрном. Сгорбившегося отца, рядом Эцуко-сан в кимоно, прижимает платок к глазам. Акеми-тян стоит чуть поодаль, равнодушно смотрит в сторону и Рёхей-куна. Эцуко-сан будет делать вид, что скорбит, но чувствовать удовлетворение, остальным будет все равно...

– Я... – начала я и замолчала, прикоснулась пальцами к щекам.

– Для того, чтобы Сатоми Аями могла жить дальше, та девочка должна была умереть, мы искали тебя с рождения, а смогли найти, только когда твоя душа прикоснулась к Призрачной Грани, – Бабушка не осудила меня за слезы на моих щеках и я была бесконечно благодарна ей за это.

– Вы можете видеть всех, кто прикасается к Грани?

– Да, Аями, и в течении трех дней мы можем вернуть некоторых в этот мир. Мы ищем таких людей. Людей, даже не подозревающих о наличии этого дара, и забираем в наш клан, но обычно для этого нужно, чтобы один из наших воинов поделился с ним своей Ки – жизненной энергией. Они становятся членами нашей семьи.

Она посмотрела на меня и в этом взгляде мне почудилось необыкновенное тепло, – Но для кровных родственников это не нужно, происходит то, что произошло с тобой, девочка. Ты вернулась сама.

– Вы уверены? – Я с трудом выдавила из себя этот вопрос, все утро мне казалось, что я самозванка, что еще минута и мне скажут: «Мы ошиблись, ты не та, кто нам нужен, убирайся прочь!»

Я смотрела на эту женщину, замерев в ожидании.

– Нет никаких сомнений в том, что ты моя родная внучка.

Только для читателей 18+

Дорогие читатели, представляю вам эмоциональную новинку про смелую попаданку и злых драконов от автора Мариэм Санди

Рабья в военной академии Драконов. <https://litnet.com/shrt/aLHq>

Глава 7. Ветер в соснах

Я старалась привыкнуть к новому положению и к тому, что мне прислуживали.

К уважению окружающих и даже тому, что больше не нужно работать по дому и с утра до вечера слушать попреки мачехи.

Теперь я должна была заниматься только самосовершенствованием!

Медитации; тренировки с нагината – длинной алебардой с изогнутым лезвием и кайк-эном – коротким кинжалом для защиты чести; этикет; танцы.

Я старательно наверстывала все, что положено знать богатой наследнице древнего клана и чего, конечно же, не знала я.

– Сатоми-сама приглашает вас, госпожа, на чайную церемонию, она ждет в Тясицу.

Наш тясицу – чайный домик – стоял глубоко в саду и путь к нему – тропа родзи – символизировал очищение от мирских мыслей.

Это я уже успела выучить, как и основы самого чаепития, но в моей прошлой жизни никто не обучал меня чайным церемониям и теперь, идя по этой тропе, я не знала, как избавиться от мыслей в своей голове.

– Не бойся, я помогу, – раздалось рядом и я невольно вздрогнула от неожиданности – Кагэхира-доно.

С момента моего появления здесь, в Осенней обители, я видела его почти каждый день.

Он часто наблюдал за мной, но прямо заговорил впервые.

Меня немного пугало его внимание, хотя я не понимала почему, в Кагэхира-доно не было ничего зловещего, но, казалось, он присматривает за каждым моим осторожным шагом в этой новой жизни.

– Она не услышит меня и не увидит, если я не захочу, – призрак улыбнулся мне непривычно открыто, а я лишь немного изменила наклон головы, давая понять, что благодарна.

В домике была тишина, только звук кипящей воды, который бабушка называла «*ветер в соснах*».

– *Ва, Кэй, Сэй, Дзю*, – Шепнул мне в ухо призрак. Гармония, Почтение, Чистота, Покой, я знала это, но покой пока мне не давался. А малейшее нарушение этикета, на чайной церемонии считается позором, и я очень боялась сделать что-то не так. Наверное, поэтому покой мне и не давался...

Но постепенно тишина и тихие звуки кипящей воды, стук бамбукового венчика и шуршание кимоно бабушки все же настроили меня на нужный лад.

Бабушка лично приготовила маття, густой порошковый зеленый чай, она бережно взбивала его бамбуковым венчиком до появления идеальной пены. А я ловила каждое ее движение.

Я чувствовала, как капля пота катится по моей спине. Тишина в чайном домике была такой же густой, как этот чай.

Бабушка протянула мне чашу и на краткий миг мои пальцы коснулись ее пальцев.

В этот миг я почувствовала как через наше Ки и чай передаются чувства, которые мы не могли высказать вслух.

Ее тихая радость, моя надежда, принятие, так много всего, что я не могла разобрать, где в этом мое, а где бабушкино. Только чувствовала, она любит меня. Еще совсем не знает, но любит.

Я осторожно взяла тяжелую чашу и опустила взгляд, внутри, в ярко-зеленой пене маття, было отражение. Мое бледное, испуганное, совсем не похожее на наследницу клана Сатоми, лицо.

Пальцы неуверенно замерли.

– *Трижды, Аями. Поверни её трижды*, – пронесся в голове холодный, как иней, голос Кагэхира-доно.

Я коснулась шероховатого края, первый поворот и чаша послушно скользнула по ладони.

Второй, бабушка едва заметно сузила глаза, на третьем повороте я замерла, теперь все правильно, узор с золотым карпом снаружи чаши смотрел на хозяйку дома.

Я буду пить чай, а она любоваться изображением на моей чаше.

Я аккуратно поднесла чашу к губам и медленно сделала первый горький глоток. Густой вкус маття обжег язык, возвращая мне чувство реальности.

В этой полной тишине я вдруг еще острее почувствовала присутствие Кагэхира-доно.

Прохладу его призрачного дыхания, шорох его одежд рядом, бабушка молчала, но словно тоже прислушивалась, стараясь уловить его присутствие.

Она ничего не говорила мне, но то, как она наливала воду или подавала мне чашу, в ее жестах и взгляде я чувствовала её одобрение.

Впервые я поняла значение того, что называется исин-дэнсин – передача от сердца к сердцу.

Когда чайная церемония окончилась, я не была уверена, что сделал все идеально, но прежде, чем покинуть сад, Сатоми-сама повернулась ко мне и сказала:

– Вкус этого чая напоминает мне о том лете, когда родилась твоя мать. Я давно думала, что этот вкус навсегда исчез из нашего дома. Хорошо, что сегодня я пила его не одна.

Я поклонилась, сдерживая радость, рвущуюся из моей души, потому что прекрасно поняла то, что стояло за этими сдержанными словами.

Я очень рада, что ты вернулась, даже если я не могу обнять тебя – вот, что значили эти ее слова.

– Ты почти готова, скоро я организую праздник, будет много гостей. Присмотрись к ним. Нам нужно выбрать тебе достойную пару.

В честь моего появления в клане и правда организовали настоящее торжество. Праздник... Я все еще до конца не верила, что вся эта жизнь про меня, до самого начала этого праздника.

Осенняя обитель открыла свои двери для чужаков впервые за очень долгое время. Ради меня.

Я сидела, волнуясь, в своей комнате, ожидая, когда меня пригласят, и звук сотни металлических колокольчиков-фуринов, звенящих вразнобой на верандах усадьбы, отдавался внутри осязательным трепетом.

Словно моя душа звенела вместе с ними и стеклянная стена звука отделяла меня от гостей собравшихся снаружи.

Я смотрела на вход, на сёдзи – раздвижные двери из деревянных решетчатых рамок, оклеенных полупрозрачной бумагой – и на театр теней, который устроили призраки на ней.

Тени предков проплывали медленной чередой с другой стороны сёдзи и, замирая напротив, кланялись новой наследнице клана.

– Пора, – дверь отодвинулась в сторону, я встала, сделав глубокий вдох, медленно расправив складки белоснежного кимоно и пошла к гостям.

Бабушка ударила деревянным посохом о пол и звон фуринов в саду мгновенно стих. Она взяла меня за руку и произнесла:

– Свидетельствуйте, уважаемые. Кровь рода Сатоми не течет вспять и сегодня само Время поклонилось нашей воле. Это лето должно было стать последним для моей внучки, но стало первым в ее новой жизни. Перед вами не просто дочь клана призрачных воинов, моя кровь и единственная наследница клана. Перед вами та, кто перешагнула порог смерти и вернулась, чтобы в будущем вести клан призрачных воинов.

Она повернулась к алтарю.

– Духи предков, примите ее имя, омытое светом и тенью, отныне и до скончания веков эту девушку зовут Сатоми Аями. Позаботьтесь о ней.

Бабушка поклонилась алтарю и я поклонилась с ней вместе.

Уважаемые читатели!!! Приглашаю Вас в мою новую книгу романтическая эротика и ведьме и оборотне. Милая героиня и Х.Э в наличии!

ВЕДЬМИНО СЧАСТЬЕ или ПОДСТАВА ДЛЯ ОБОРОТНЯ

<https://litnet.com/shrt/hdJO>

Аннотация: В то, что человеческую девушку сватает за своего наследника сам глава Черных Волков, возвращая долг жизни, еще как-то поверить можно.

Но, если он сватает такую, как я – жительницу самого нищего района столицы нашего королевства, без гроша в кармане, без связей, влиятельных родственников – да еще и про долг этот никто, кроме него не знал... наводит на подозрения!

Да и сын у него – тот еще озабоченный хам! И лапы свои наглые вечно распускает. Только вот они не знали, кого в свое логово привели. Самую настоящую ведьму! То самое, абсолютное Зло, которое уничтожить по всему королевству пытаются.

Ну ничего, я с этими волками разберусь и со странностями в их семействе тоже.

Глава 8. Право на имя.

Все смотрели на нас и мне казалось, что мое новое белое кимоно слепит гостям глаза в лучах заходящего солнца, а алый пояс оби на моей талии красными, недобрыми всполохами отражался в глазах гостей.

Я чувствовала их взгляды почти как прикосновения, едва ощутимые прикосновения чужих, равнодушных рук.

Но я терпела, понимая, что это плата за признание всеми этими важными людьми. И что теперь, в новой жизни, мне нужно привыкать к таким взглядам.

Когда я взяла в руки кисть, чтобы коснуться свитка, золотая тушь на мгновение вспыхнула, отвлекая меня своим теплым сиянием.

В тишине послышался едва уловимый шепот: *«Красивое имя, Аями-сама»*, – голос Кагэхира-доно. На душе тут же стало легче, прародитель явно давал понять, что тоже официально признает мой новый статус.

Я замешкалась на секунду, прежде чем уйти и, вынув из прически цветок, незаметно оставила на старом камне алтаря белую камелию. Пусть предок не думает, что я не благодарна ему за поддержку.

Сразу после того, как моя кисточка коснулась свитка, оставив изящную подпись, пространство сада наполнилось звуками.

Негромкий говор, сдержанный смех, шелест длинных рукавов и позвякивание ножен.

Бабушка Сатоми слегка коснулась моего локтя и я развернулась лицом к гостям.

Первым, как того требовал протокол, подошел седой старец со знаком клана провидцев. Его глаза с интересом ощупали меня от подола до прически, на которой не доставало камелии.

– Сатоми Аями, – он произнес имя так, словно пробовал его на вкус. – Сатоми Сидзуэ долго искала тебя, теперь ты вернулась и клан призрачных воинов обрел новую силу и молодую госпожу.

Я поклонилась ровно на те два градуса, что положены наследнице перед равным по рангу, но не главой клана.

– Амагасава-но изэ, вы слишком добры. Я лишь шла путем, предназначенным мне судьбой, – и добавила, как и положено по ритуалу, – Для меня честь приветствовать друга нашего дома. Прошу вас, впредь озаряйте мой путь своими мудрыми советами.

Сзади кто-то кашлянул.

Старый лис скользнул в сторону и на его месте возникла женщина в тёмно-синем кимоно с вышитым карпом, идущим против течения.

Клан Ходзё – Хранители Речных Границ, мысленно отметила я.

Все кланы я заучила, но пока еще не помнила всех важных людей в них по именам и очень боялась допустить ошибку.

Женщину сопровождала девочка лет двенадцати, точная копия матери, только с куклой в руках.

– Говорят, ты стояла на пороге смерти? – Женщина не стала ждать церемоний. – Моя дочь тоже видела Призрачную Грань, ваш клан вернул нам ее, но она изменилась, стала совсем другой, ты тоже уже не та, что должна быть?

Тяжелое молчание повисло над залом.

Это был вызов всей силе Сатоми. Я почувствовала, как пальцы бабушки на моем локте стали каменными. Все ждали, сорвусь ли я на оправдания или промолчу, признав свою слабость.

Я не ответила сразу.

Медленно, позволяя шелку кимоно едва слышно шуршать по татами, я сократила дистанцию. Я не смотрела на мать, мой взгляд был прикован к маленькой девочке, стоявшей за её спиной.

Я опустила перед ней на колени, хоть и понимала, что так делать нельзя.

– Мы не становимся другими, Ходзё-сан, – Сказала я, улыбнувшись этой маленькой испуганной девочке. – Мы просто начинаем видеть то, чего остальные не видят, но это не должно тебя пугать.

Я протянула руку, едва коснувшись воздуха рядом с плечом девочки, там, где обычные люди видели лишь пустоту, а я чувствовала знакомый холод.

– Ваша дочь не стала чужой. Она просто видит то, что ее пугает, а вы принимаете это за странность.

Я перевела все более холодеющий взгляд на женщину.

– Люди меняются взрослея и после серьезных испытаний, иначе мы навсегда оставались бы детьми. – Я обвела гостей взглядом и продолжила, – Клан Сатоми не возвращает людей «прежними». Но мы единственные, кто возвращает их.

Ходзё Киёко замерла. Напряжение в её плечах сменилось растерянностью, а затем неохотным, тяжелым уважением.

– Сатоми Аями... – выдохнула она и на этот раз в её словах не было яда. – Я принимаю твой ответ. Пусть тени будут к тебе милостивы.

Когда я поднялась с колен, в зале всё еще стояла звенящая тишина.

Но прежде, чем шепот успел заполнить комнату, я ощутила на своем плече руку бабушки Сидзуэ.

Она не просто коснулась меня, она положила ладонь на мое плечо, твердо и уверенно, словно закрывая меня своим авторитетом, как щитом.

– Истинная мудрость Сатоми всегда была в том, чтобы видеть скрытое, – голос бабушки прозвучал глубоко и властно, разлетаясь по углам поместья. – Моя внучка лишь напомнила нам об этом. И... всех вернувшихся мы готовы принять в своем клане.

Бабушка бросила на женщину из клана Ходзё один холодный, торжествующий взгляд, от которого та склонила голову, а потом медленным тягучим движением, так, чтобы увидели все, передала мне свой закрытый веер.

Она отвела взгляд от этой женщины и девочки с куклой и чуть заметно подтолкнула меня вперед, заставляя идти рядом с собой, не на шаг позади, как положено, а вровень, как равную.

Внутренности обдало холодом, но внешне спокойно я приняла этот знак доверия, легкая улыбка на моем лице даже не шелохнулась.

Этот жест громче любых слов говорил: она признала меня перед всеми.

Когда мы проходили мимо застывших гостей, я услышала её едва уловимый шепот, предназначенный только для моих ушей:

– Держи спину ровно, Аями. Сегодня ты заставила их не просто смотреть на нас, а вспомнить, что нас надо бояться.

Дорогие девочки, сегодня я начала еще одну книгу в соавторстве с Мариэм Санди <https://litnet.com/shrt/EQSk>

Любовное зелье для некроманта. Рецепт выживания попаданки.16+

Читать можно здесь - <https://litnet.com/shrt/Wilu>

Состав рецепта: 1. Убежать от убийц и спрятаться в Академии 2. Стать фальшивой невестой аристократа 3. Держаться от жениха подальше!

аннотация:

Я убежала от убийц и спряталась в академии, только названия перепутала и к некромантам попала! Жених моей матери меня нашел и я не придумала ничего лучше чем дать противоротное зелье самому мрачному некроманту Академии, а у него уже две невесты до меня умерли!

Глава 9. Когда звенит черный фурин.

Я слушала ее слова, но они проходили сквозь меня, потому что мои глаза уткнулись в знакомую фигуру.

Среди множества гостей, мне показалось, что я увидела лицо Кацуру...

Впервые я подумала о том, что, возможно, мой воображаемый друг никогда не был воображаемым.

Возможно, он всегда был призраком, как Кагэхира-доно и вот теперь он здесь...

– Присмотрись к младшим сыновьям кланов, Аями, – тихо шепнула бабушка и я почувствовала, как под слоем пудры мои щеки обожгло жаром.

– Я позволю тебе выбирать, – добавила она, и мысли в моей голове окончательно спутались, я чуть не сбилась с шага, потому что никогда не задумывалась о таком.

О помолвке или браке.

Мои мечты не шли дальше, чем выбиться в люди, найти хорошую работу, чтобы больше не донашивать старые платья сводной сестры и не голодать.

– Мне всего шестнадцать, – ответила я робко, но взгляд против воли заметался среди гостей, я высматривала в толпе Кацуру.

Только сейчас я заметила, что все кланы привели своих сыновей на мой праздник.

До этого момента я и не подозревала о том, что теперь меня рассматривают как достойную невесту и мне было намного спокойней.

Теперь же я поняла, что смотрят на меня не только как на внезапно найденную внучку и вероятную наследницу, но и как на девушку, невесту, что может выбрать одного из их сыновей и забрать в свой клан!

Не подозревая об этом, я спокойно разглядывала гостей, но сейчас вдруг стало неловко это делать.

Вдруг мои взгляды не правильно поймут? Воспримут их как личный интерес?

Я уставилась на веер в своих руках, захотелось распахнуть его и прикрыть лицо, но вместо этого я выпрямилась и уверенно обвела гостей взглядом.

Молодой парень, показавшийся мне похожим на Кацуро, стоял вдалеке, в профиль, я смотрела, но не могла быть уверена, что это он.

Волосы собраны иначе, богатое кимоно, да и фигура...

Этот парень был выше и шире в плечах моего выдуманного друга, тени от ветвей деревьев падали на его лицо, делая его еще менее похожим.

Мне хотелось окликнуть его и, увидев на его лице открытую улыбку, бросится к нему как в детстве.

Нет. Наверняка показалось.

Слишком много людей и призраков, почти материальных для меня... Да и гости одеты в похожие одежды, их лица сливались в светлые пятна у меня в глазах.

Внезапно передо мной возникло полупрозрачное лицо прародителя.

В нем больше не было одобрения, поджатые губы, немного сведенные брови.

Его глаза вспыхнули чернотой, когда он резко взглянул в мое удивленное лицо, а потом метнулся в сторону.

Призрачные одежды взметнулись от этого движения и он скрылся среди гостей, а потом замолчали фурины.

Я почувствовала как напряглась рядом бабушка, как одновременно замерли наши люди, члены клана призрачных воинов, гулявшие среди гостей, словно наткнувшись на невидимую стену.

И по притихшему саду разнесся долгий гулко вибрирующий звук уходящий в тишину.

– Запомни этот звук, – сказала Сатоми-сама и в ее голосе мне послышалось беспокойство, – так звенит черный фурин.

Черный фурин висел у входа в Сад Забвения. Место обитания Кагэхира-доно и звенел он только тогда, когда прародитель требовал к себе главу.

Гости начали тихо перешептываться, они тоже поняли, что что-то произошло.

Бабушка, внешне сохраняя спокойствие, медленно пошла по дорожке.

– Развлекай пока гостей, Аями, – бросила она мне через плечо.

Я знала, что сейчас должно было начаться представление.

Театр теней.

Деревянный помост давно был готов, по его углам уже зажигали кагари-би – высокие треноги с живым огнем и дым от сосновых дров смешивался с легким ночным запахом влажной листвы.

На задней стене сцены была нарисована сосна, казалось, что ветви нарисованного дерева шевелятся.

Специально приглашенные актеры разыгрывали легенду о создании клана призрачных воинов.

Тени за спиной актеров жили своей жизнью, не повторяя контуры их тел, а превращаясь в огромных монстров, падающих от рук призрачных воинов, соединяясь в абстрактные фигуры или исчезая совсем.

– Аями, – голос бабушки вывел меня из застывшего созерцания спектакля.

– Я должна поговорить с тобой, – бабушка вздохнула, – Кагэхира-доно выбрал тебя.

Я удивленно посмотрела на бабушку.

– Он хочет, чтобы ты стала его невестой – это большая честь. Согласна ли ты принять ее?

Удивление, страх, неверие, все это промелькнуло за одну секунду и ушло прочь под пристальным взглядом Сатоми-сама.

В ее глазах я видела беспокойство, она не хотела давить на меня, но ей было важно, чтобы я согласилась. Я понимала это отчетливо.

Чего я не понимала, так это зачем призраку невеста и почему этой невестой должна стать именно я... но все это было совсем не важно.

Здесь, в Осенней обители, меня приняли, я впервые почувствовала заботу и тепло.

Бабушка, пусть и немногословная, и с виду отстраненная, уже сделала для меня больше, чем все остальные родственники вместе взятые за всю жизнь.

– Конечно я согласна.

Я поклонилась, – это честь для меня.

Весь оставшийся вечер прошел для меня как в тумане...

На следующий день я получила новое удостоверение личности, тонкая картонная карточка с моим фото, а на нем я – неловкая и немного растерянная.

Сатоми Аями.

Дата рождения: прежняя.

Место жительства: особый округ, поместье «Осенняя обитель».

Статус: наследница клана.

– Не потеряй, – сказал Рендзо, протягивая карточку.

Я взяла карточку, погладила пальцами шершавый край и вспомнила газетную заметку о своей смерти.

– Ты знал? – спросила я. – Что меня больше нет для старого мира?

Рендзо помолчал.

– Тебе еще повезло, тебя знало мало людей, со временем ты перестанешь думать о них, а они перестанут думать о тебе. Так устроена жизнь.

Он ушёл.

А я осталась сидеть в своей комнате, сжимая в руке карточку с новым именем, тем же самым, но уже другим.

Красочное море... насмешка судьбы или предсказание?

Вечером я вышла в сад, смотрела на бледные огоньки, плавающие между соснами, на полупрозрачные фигуры, сидящие на камнях, они не обращали на меня никакого внимания.

Но когда я повернулась, чтобы уйти, один из духов, старая женщина в потрёпанном кимоно, подняла голову и тепло улыбнулась мне.

– Не бойся, – прошептала она. – Ты среди своих.

Только для читателей 18+

Дорогие читатели, представляю вам мою самую странную книгу.

Лично мне она нравится наверное больше всех написанных мной книг! Надеюсь и вам понравится эта дикая смесь фэнтези-фантастики, азии и России, постапокалипсиса и волшебной сказки про любовь. С уважением Мариэм Санди.

Русская Империя 3210 год

Читать книгу:

<https://litnet.com/shrt/bKVI>

Подписаться на автора : <https://litnet.com/shrt/OILw>
Да-да обложки похожи))) Но мне разрешили =))

Глава 10. Прощание с осенней обителью.

Прошло 2 месяца.

Мое обучение начиналось с дыхания и медитаций, с бесконечных часов неподвижного сидения на холодных камнях сада, когда я училась слышать не только духов, но и собственное тело.

Теперь я умела держать спину прямо, даже когда уставала, умела перемещаться призрачным шагом, не оставляя следов на мокрой земле.

Мне легко давалось обучение, так, словно я просто вспоминала то, что когда-то давно уже умела делать.

И вот сегодня настал день, когда Рендзо впервые смотрел на меня не как на новичка.

– Покажи мне, чему ты научилась, – сказал он.

Мы стояли на заднем дворе, усыпанном жёлтыми листьями клёна.

Утренний туман ещё не рассеялся и мир вокруг казался призрачным, таким же полупрозрачным, как духи, которые иногда наблюдали за нашими тренировками из тени сосен.

Я взяла нагинату из подставки, ее древко привычно легло в ладони, я знала вес каждой в этой подставке.

Знала, где у этой чуть смещён баланс, а у той древко на пару миллиметров длиннее.

– Начинай, – кивнул Рендзо.

Я сделала выдох и начала.

Первый удар сверху вниз, древко скользнуло в руках, лезвие рассекло воздух с низким гудящим звуком.

Я сразу перешла в поворот, корпус развернулся, ноги сами нашли нужное положение и второй удар пошёл снизу, будто я срезала стебли высокой травы.

Перехват древка, выпад вперёд и колющий удар, острие нагинаты замерло в дюйме от груди даже не вздрогнувшего Рендзо, стойвшего как скала.

Я отступила на два шага, крутанула нагинату над головой – красивый, почти бесполезный в бою финт, но Рендзо требовал, чтобы я училась контролировать оружие даже в самых неудобных положениях и я очень старалась.

Древко описало круг и я закончила стойкой, ноги шире плеч, нагината горизонтально перед собой, лезвие смотрит влево.

– Хорошо, – сказал Рендзо. – Ещё раз. Но теперь быстрее.

Я повторила связку.

Лезвие свистело в воздухе, листья срывались с веток ближайшего клёна и кружились вокруг меня, будто я была центром маленького урагана.

– Немного медленнее, – вдруг сказал Рендзо. – Ты спешишь, нагината не терпит суеты.

Древко в моих руках дрожало от напряжения, когда я замерла, слушая его слова.

– Сделай первый удар, – сказал он. – Медленно, но с усилием, представь, что ты стоишь под водой.

Лезвие пошло вниз, рассекая воздух, и я вдруг почувствовала то, чего раньше не замечала, как воздух течёт вдоль лезвия, как древко чуть вибрирует от этого движения, как мои собственные мышцы передают усилие от ног к рукам, от рук к оружию.

– Вот, – сказал Рендзо. – Теперь ты поняла.

Он отошёл на несколько шагов, взял из подставки вторую нагинату с настоящим лезвием, которое блестело даже в тумане.

– А теперь попробуй остановить меня, девочка.

Я не успела испугаться.

Он атаковал сразу: скользящий шаг вперёд и лезвие его нагинаты пошло в мою сторону, я блокировала ее древко к древку, руки задрожали от тяжести удара, но я устояла.

– Не замирай, – бросил Рендзо, отступая и тут же нанося новый удар снизу. – От блока сразу уходи в ответный удар, нагината – это не щит.

Мы бились почти час.

Я ни разу не достала его ни лезвием, ни даже древком. Рендзо двигался действительно плавно, как призрак, и каждый его удар был точным.

Он не бил в полную силу, я понимала это, но даже так каждый блок давался мне с большим трудом. Ладони горели, по лицу текла смесь пота и утренней росы с волос.

– Отдыхай, – сказал Рендзо, когда я в очередной раз едва не выронила нагинату. – Десять минут.

Я опустилась на корточки прямо посреди двора, уронив древко на колени, дышала тяжело, с присвистом, проклятая привычка, от которой Рендзо пытался меня отучить.

– Опять пьёшь носом, – заметил он, не глядя на меня, так он называл такое дыхание.

– Знаю, – выдохнула я. – Не получается иначе.

– Получится, когда перестанешь бояться, что воздуха не хватит, в тебе все еще сидит страх, Аями.

Он был прав, я действительно боялась этого ощущения, смерть не прошла для меня даром, задохнувшись я боялась больше всего.

Я подняла глаза на своего учителя.

Он стоял в трёх шагах, прислонив нагинату к плечу, и смотрел в сторону на серую кошку, которая сидела на веранде и умывалась, не обращая на нас никакого внимания.

– Тсуки тебя любит, – сказала я просто чтобы что-то сказать.

– Тсуки любит, когда её кормят, – усмехнулся Рендзо. – Это разные вещи.

– Ты же сам говорил, что животные вернее людей.

Он помолчал, кошка закончила умываться и теперь смотрела на нас жёлтыми глазами, медленно моргая.

– Говорил. – Он вздохнул, – Ладно. Вставай. Покажи мне кайкэн.

Кайкэн был моим слабым местом.

Нагината давалась намного легче, там было расстояние, время подумать, возможность отступить и перестроиться.

Кайкэн требовал решимости, которой у меня никогда не было.

Рендзо стоял напротив с тренировочным деревянным кинжалом, а у меня в руке был парадный кайкэн – красивый клинок из чёрной стали, подаренный мне месяц назад бабушкой.

В тот день я не спала всю ночь, просто сжимала рукоять и смотрела, как лунный свет скользит по лезвию.

– Покажи хват, – приказал Рендзо.

Я убрала кайкэн за оби, так, чтобы рукоять торчала чуть выше пояса.

Вдох.

Рука скользнула за пояс, пальцы нашли оплётку и клинок вышел из ножен с тихим шелестом, а я замерла с остриём, направленным вперёд.

– Хорошо. Еще раз.

Глава 11. Последнее напутствие

За два дня до отъезда в академию, я получила приглашение.

Его принёс ветер настойчивым звоном черного фурина.

Я вздрогнула, сидя в своей комнате, а потом продолжила выводить кистью очередной иероглиф. Время шло, но фурин все звенел и вдруг сёдзи тихо скользнули в сторону.

Мои пальцы дрогнули, а в открытый проем вошла бабушка Сидзуэ, вернувшаяся после разговора с прародителем.

– Он не хочет говорить со мной, зовет тебя, – она выглядела бледнее обычного. – Аями... Помни, что он не человек и, хоть и выглядит молодо, он прожил очень длинную жизнь.

Я понимала, молчит она о большем, чем говорит, но и этого предостережения было достаточно.

Я кивнула, оделась сама, отказалась от помощи служанок, накинула тёмно-синее кимоно без вышивки, затянула пояс потуже.

Тропа к Саду Забвения начиналась за главной пагодой, там, где кончались каменные фонари с бледными огоньками и начиналась низкая стена.

Сложенная из необработанного камня, она не выглядела достойной преградой, но проводила границу между моим миром и его.

Пройдя сквозь открытые ворота, я удивленно замерла, стоило мне переступить эту черту, все вокруг изменилось, здесь была ночь.

Луна стояла высоко в темном небе и её свет падал на сад серебряной сетью.

Я ожидала увидеть запустение, но сад был ухожен и красив.

Старые сосны с искривлёнными стволами, пруд с чёрной водой, в которой отражались яркие звёзды и камни – огромные валуны, расставленные так, словно кто-то играл с богами в го.

Ни одного цветка, ни одного яркого пятна, только серебро, чёрное и сероватая зелень.

В центре сада, на плоском камне у пруда сидел Кагэхира-доно.

– Ты наконец-то пришла, – он повернул ко мне голову, его профиль словно светился белой кожей в этой темноте, а голос всколыхнул что-то внутри, и я поёжилась,

– Вы звали, Кагэхира-доно, конечно я пришла, – я поклонилась.

Он беззвучно усмехнулся одними уголками губ.

– Скоро ты уезжаешь туда, где чужие будут смотреть на тебя, оценивать, пытаться сломать или использовать. Я хотел поговорить с тобой до того, как ты ступишь на чужую землю.

Он кивнул на камень напротив себя.

– Садись, Аями.

Я села. Камень оказался тёплым, хотя ночь здесь была прохладной.

– Когда-то я был генералом, – Кагэхира-доно смотрел на пруд. – В другой эпохе, когда дирижабли ещё не поднялись в небо, а кланов было намного больше, они резали друг друга без жалости.

Я слушала, не перебивая, боясь поднять на него глаза. Мой жених... давно мертвый прародитель клана призрачных воинов, призрак... Мне очень хотелось спросить для чего ему я?

– Мое имя Кагэхира Такацугу и когда-то я служил императору из династии Хисё. Мой клан сражался в долине Ёсино три дня и три ночи против армии северных варваров. Мы убивали врагов, наши мечи перерубали сталь, как бумагу...

Слова затихли и в тишине я услышала, как в пруду хвостом плеснула рыба.

Он посмотрел на меня и в темных, как вода в этом пруду, глазах что-то мелькнуло.

– Когда-то у меня была семья. – Он коснулся рукояти меча. – Я оставил жену, когда ей было двадцать и ушел воевать, сын родился через месяц после моей смерти. Она вырастила его одна, а потом пришла сюда, в этот сад, и умерла на том же камне, где сейчас сидишь ты.

Меня пробрал озноб.

Он встал, движение было очень плавным, нечеловечески грациозным, и мне вдруг показалось, что он не просто призрак, а часть этого сада, его сердце.

– Теперь моя невеста ты, Аями, – Кагэхира-доно смотрел на меня сверху вниз и я поднялась, чувствуя неловкость, сердце громко колотилось где-то у самого горла.

– Я не понимаю, – прошептала я. – Чего вы от меня хотите?

Кагэхира-доно сделал шаг ко мне, потом ещё один. Он двигался так, что даже воздух не шелохнулся и когда оказался в двух шагах, он протянул ко мне руку.

– Я не могу пока дать тебе то, что дарят живые мужья, но я могу дать тебе то, чего не даст никто другой.

Его ладонь раскрылась и на ней лежала маленькая вещица, которую я сразу не разглядела. Но потом лунный свет скользнул по его руке и я увидела гребень.

Тонкая пластина черепахового панциря, вырезанная в форме цветущей сливы – умэ.

Тёмная, почти чёрная, с красноватыми прожилками, будто по ней разлилась кровь.

Гребень был очень старым, я видела, как на зубьях стёрлись края.

– Это принадлежало моей жене, – сказал Кагэхира-доно. – Она носила его в день нашей свадьбы, а потом в день, когда простилась со мной. Этот гребень помнит боль и любовь моей жизни и я дарю его тебе, потому что теперь ты – моя невеста.

Я смотрела на гребень, боясь дышать.

– Возьми, – сказал он.

Моя рука поднялась сама, пальцы коснулись тёплого, вопреки ожиданиям, панциря и я почувствовала холод, потом тепло, а потом что-то странное.

Женский смех, детский плач, шум битвы, лязг стали. Образы вспыхивали перед глазами: красивая женщина в белом кимоно, мужчина с мечом, повернувшийся к ней спиной, поле, усеянное телами, и одинокая фигура на камне.

– Что это? – выдохнула я, едва не выронив гребень.

– Память, – ответил призрак. – Гребень хранит её.

– Спасибо, – сказала я. – Кагэхира-доно.

– Ты можешь называть меня Такацугу, – наклонив голову, произнес он и в глазах мелькнула непривычная теплота.

Большое вам спасибо, за комментарии и звездочки, книга участвует в конкурсе Когда цветет сакура #

Глава 12. Дары наследницы и невесты.

– В Академии тебе будет не легко, просто помни, что ты больше не одна.

Он коротко коснулся пальцами моего лба и я замерла, чувствуя его пальцы, реальные и прохладные, впервые касающиеся меня. Бабушка говорила мне, что в этом месте он реален, но я все равно не верила в это до конца.

– Пока ты носишь этот гребень, я могу видеть твоими глазами и, если понадобится, я услышу твой зов даже издалека.

Я молча кивнула, горло сдавило от нахлынувшего чувства благодарности, но я заставила себя не плакать.

– Я не подведу вас, – как могла твёрдо сказала я. – И не подведу клан.

– Я это знаю, – ответил Кагэхира-доно, убрав руку и повернувшись к пруду, он погрузился в свои мысли и больше не смотрел на меня, и я поняла, что разговор окончен.

Мне было пора уходить.

Я поклонилась низко, как кланяются алтарю, а не человеку, и пошла к выходу, но на полпути остановилась.

– Такацугу-сама, – нерешительно позвала я.

Он медленно обернулся.

– Вы сказали, что ваша жена умерла в этом саду. А вы? Вы тоже умрёте по-настоящему? Когда-нибудь?

Он посмотрел на меня долгим темным взглядом.

– Только если весь клан Призрачных воинов исчезнет, – сказал он. – Когда не останется никого, кто сможет меня помнить, но я не собираюсь умирать, я собираюсь снова стать человеком.

Он улыбнулся первый раз за всё время, что я его знала, эта улыбка была грустной, такой человеческой, что у меня защемило сердце.

– Так что думай обо мне почаще, Аями. Хорошо?

Я вышла из Сада Забвения с гребнем в руке, чувствуя, как он греет кожу моей ладони сквозь эту холодную ночь.

На следующий день я вплела гребень в причёску. Служанка, помогавшая мне укладывать волосы, спросила, откуда такая красивая вещь.

– Это подарок, – ответила я. – От жениха.

Она вздрогнула испуганно и кивнула, затягивая тугой узел на затылке, чтобы гребень держался крепко.

А через день я стояла у ворот Осенней обители, сжимая в руке дорожную сумку, и чувствовала, как на моём затылке теплеет черепаховая пластина цветущей сливы.

Кагэхира-доно сдержал слово, теперь он был со мной, даже когда его не было рядом.

Утро было серым и влажным, и бабушка Сидзуэ не провожала меня, да и не в ее правилах было показывать свою привязанность на людях.

Но за час до моего отъезда она вошла в мою комнату без стука, что само по себе было необычно, и положила передо мной на циновку небольшой свёрток в тёмно-синей ткани.

– Это тебе, – сказала она. – Открой, когда будешь в дороге.

Я поклонилась, принимая подарок, но она вдруг остановила меня, коснувшись пальцами моего плеча.

– Посмотри на меня, Аями.

Я подняла глаза.

– Академия – плохое место для девочек из благородных семей, которых растили в тепле и заботе, но ты не такая, и это твоё преимущество, но и твоя слабость.

Я молчала, слушая.

– Там странные порядки, – продолжала бабушка. – Мальчики и девочки из элиты учатся вместе. Живут в отдельных павильонах, но пересекаются на занятиях, на полигонах, в библиотеке. Это сделано нарочно, чтобы закалять характер, чтобы будущие самураи учились видеть в женщине не игрушку и не слабое место, а союзника или врага. Все наследники кланов обучаются там, нужно чтобы и ты там училась, – она вздохнула, и я поняла, что ей совсем не хочется отпускать меня туда.

Но она тут же взяла себя в руки и усмехнулась, морщины вокруг её глаз стали глубже.

– На деле, это просто рассадник интриг. Половина проблем, которые случаются в академии, случаются из-за того, что мальчики не знают, как обращаться с девочками, а девочки хотят им что-то доказать.

– А как нужно? – спросила я.

Бабушка посмотрела на меня, все еще улыбаясь.

– Нужно помнить кто ты. А ты, Аями, наследница клана призрачных воинов, не забывай об этом, твоя кровь старше, чем у большинства из тех, кто будет учиться рядом с тобой. Твой дар древнее, а твоя честь и жизнь уже не твои.

Она замолчала, потом добавила тише:

– Блюда честь клана, не давай себя в обиду, но и не ищи обид там, где их нет.

– Бабушка, я все поняла, – сказала я поклонившись.

– Хорошо, а теперь иди, Рендзо уже ждёт.

Она развернулась и вышла, не обернувшись. Я осталась стоять с тёмно-синим свёртком в руках, чувствуя, как пальцы дрожат от напряжения.

В машине, когда мы отъехали от ворот, я развернула ткань.

Внутри лежал кинжал.

Не такой красивый как церемониальный, а совсем, короткий, тоже с лезвием из чёрной стали, на котором поблескивали едва заметные прожилки, похожие на вены под кожей.

Кинжал, созданный чтобы убивать тех, кто попробует покуситься на мою честь.

Рукоять была обмотана тёмно-синей оплёткой – цвет нашего клана. На ножнах выгравированный иероглиф «Тень».

И записка от бабушки.

Два коротких предложения, написанных твёрдым, но уже чуть дрожащим почерком:

«Этот клинок убивал врагов нашего рода более двухсот лет, пусть он теперь оберегает тебя».

Я сжала ножны и посмотрела в окно, усмехнулась задумчиво, моя честь так важна, что теперь у меня целых два клинка для того, чтобы ее оберегать... И гребень в волосах, чтобы мой жених-призрак мог явиться по моему зову...

За стеклом проплывал мир, который ещё недавно был для меня чужим. Сосны сменялись рисовыми полями, поля маленькими деревушками с соломенными крышами.

Где-то вдалеке над лесом поднимался дирижабль, огромный, серебристый, похожий на кита, плывущего по небу.

Его гондола блестела на солнце, и я на миг представила себя там, наверху, смотрящей на этот мир сверху, как смотрят боги.

– Ты волнуешься, – сказал Рендзо, не отрывая глаз от дороги.

– Немного, – призналась я.

Он помолчал, потом произнёс:

– В академии ты, возможно, будешь не единственной, кто пережил смерть. И не единственной, кто видит то, чего не видят другие, но ты будешь единственной из нашего клана, помни это. Они – не семья.

– Я запомню, – пообещала я.

Глава 13. Между прошлым и будущим

Время, проведенное в Осенней обители, было самым насыщенным событиями временем во всей моей жизни.

Когда-то, до того как я умерла, мне казалось, что дни медленно тянутся неторопливой серой чередой, а здесь они пролетали так быстро и ярко, что я не успевала до конца прочувствовать вкус этой новой жизни.

И только в день отъезда я смогла задуматься обо всем, что происходило со мной и страх полностью овладел мной. Академия? Еще и для элиты? Что мне там делать?

Я боялась не оправдать ожиданий бабушки и клана, моего... жениха. Да, наверное, больше всего я боялась этого.

Даже мысленно мне было сложно называть Кагэхира-доно моим женихом.

С того момента, как бабушка сказала мне об этом, я даже немного радовалась предстоящему отъезду в академию.

Я не хотела знать, что значит стать замужней женщиной... и тем более женой очень-очень старого призрака.

Но теперь... я провела пальцами по черепаховому гребню в своих волосах.

Отъезд ничего не изменит, мой... жених будет видеть и знать все, что я делаю... да, это защита, но это и клетка, в которую меня посадили.

Конечно, в любом случае я собиралась вести себя достойно, даже если бы никто не смотрел... но сейчас я не могла не думать о том, что за каждым моим шагом наблюдают темные призрачные глаза Кагэхира-доно.

– Мы почти на месте, – прервал мои мысли один из приставленных ко мне в дорогу воинов, и я посмотрела в окно.

Машина свернула на широкую дорогу, вымощенную светлым камнем, и впереди показались ворота.

Над главным входом развевались флаги всех великих кланов Империи.

Чёрное солнце клана Хисё, белый журавль Минамото, алый дракон Татибана... И наш призрачный воин на серебряном поле перечёркнутом тенью.

Рендзо остановил машину у ворот.

Я взяла сумку, проверила, что кинжалы надёжно спрятаны за поясом под кимоно, и вышла.

– Иди, – сказал Рендзо. – Я не могу войти дальше. Только учащиеся и мастера, твои вещи заберут служители академии.

Я обернулась.

– Когда ты вернёшься за мной?

– Когда наступит лето, если ты не вылетишь раньше, – уголок его рта дёрнулся в подобии улыбки. – Не опозорь клан.

– Постараюсь.

Я сделала шаг к воротам, потом ещё один и в тот момент, когда тень от ограды академии накрыла меня, я услышала голос *«Не бойся, Аями, я присмотрю за тобой»*.

Я сжала свою сумку крепче и шагнула внутрь. Незнакомые слуги уже несли за мной целую вереницу сундуков с моим багажом.

Дорожка из белого гравия вела вглубь территории, и мои спутники с сундуками ступали по ней так осторожно, будто каждое лишнее движение могло нарушить хрупкое равновесие этого места.

Декабрьский воздух был холодным и прозрачным, как стекло. Моё дыхание вырывалось из рта белыми клубами пара и я пожалела, что не накинула сверху хаори потеплей.

В Осенней обители был совсем другой климат, магия места согревала все, что находилось внутри, а здесь зима уже вступила в свои права безо всяких уступок.

Я подняла голову, рассматривая главную пагоду Академии.

Она возвышалась в центре кампуса, уходя в небо пятью ярусами, каждый меньше предыдущего. Тёмное дерево, почерневшее от времени и дождей, черепичная крыша с загнутыми краями, на коньках бронзовые драконы, покрытые зеленоватой патиной.

На самом верхнем ярусе, под крышей, тускло мерцал магический шар, разгоняющий туман, такое я видела впервые.

Пагода не была похожа на Осеннюю обитель, та была шире и приземистее. Эта, наоборот, стремилась вверх, будто хотела проткнуть небо своим шпилем.

Величественная и холодная, она смотрела на мир сотнями окон, за которыми угадывалось движение.

– Главный корпус, – сказал один из слуг, заметив мой взгляд. – Там проходят занятия. На первом этаже находятся общие классы, на втором большая библиотека, выше залы для индивидуальных занятий, залы для медитаций и стрелковые галереи.

Я кивнула, делая вид, что меня не пугает эта громадина, но внутри всё сжалось.

А потом я увидела это...

Совсем рядом с пагодой, с другой ее стороны от входа, находилась причальная мачта для дирижаблей и как раз сейчас он медленно подлетал к ней с подветренной стороны.

Я оторопело замерла, о дирижаблях я знала все, но видела их только издалека или на картинках в книгах, которые мне показывал Кацуро!

Моя детская мечта сейчас была прямо передо мной.

Я знала, что на самом верху мачты установлена специальная стыковочная чаша – приемное устройство, внутри которого проложен прочный стальной трос.

На носу дирижабля расположен прочный конусообразный металлический штырь, и когда дирижабль подлетает к мачте, он сбрасывает носовой канат.

Наземная команда крепко соединяет его с тросом, а затем мощная лебедка у подножия башни начинает втягивать трос, буквально затягивая нос дирижабля в стыковочную чашу до щелчка фиксаторов.

Мне показалось, я даже расслышала этот щелчок! Он и привел меня в чувство.

Щеки порозовели и я только понадеялась, что никто, кроме слуг, не видел, как я стояла разинув рот и разглядывала этот дирижабль.

Я стеснялась, что большую часть жизни провела в бедности, почти нищете, и мне не хотелось, чтобы кто-нибудь в Академии знал об этом...

И стеснялась того, что стесняюсь... я знала, что родиться в бедности – это не то, чего стоит стыдиться, но стыдилась...

Мы пошли дальше и пагода осталась слева, а передо мной открылся парк.

Старые деревья стояли голыми, их ветви, покрытые инеем, тянулись к небу, как руки, застывшие в молитве.

Кусты азалии поникли под тяжестью снега, каменные фонари укутаны белыми шапками. Тишина стояла такая, что я слышала, как снежинки ударяются о ткань моей одежды.

И сакура.

Она росла прямо у входа в парк, огромная, раскидистая. Летом, наверное, она была прекрасна, но сейчас её чёрные голые ветви казались мне похожими на переплетение старых костей. Ни одного цветка, ни одного листа. Только иней на коре и снег у корней.

– Чайный домик там, – слуга указал вглубь парка, где между замёрзшими ветвями угадывалась тёмная крыша. – Но сейчас он закрыт. Церемонии проходят только по расписанию, а зимой его и вовсе не отапливают.

Я кивнула, запоминая, азы этикета мне преподавал Кацуро, когда мы были совсем детьми, играли с ним в важных господ.

Бабушка тоже приложила все усилия, но я сомневалась в своих успехах, а здесь, под взглядами невидимых наблюдателей, я чувствовала себя так неуверенно, как никогда раньше.

Мы прошли мимо замерзшего пруда, под тонким льдом угадывались движения сонных карпов, медленно плавающих в холодной глубине.

Наконец мы остановились перед двумя зданиями.

Они стояли друг напротив друга, разделённые широкой аллеей, которую уже расчистили от снега. Над павильонами развевались флаги: золотой ястреб и серебряная ласточка...

Из труб обоих павильонов поднимался дым, наверное, внутри топили печи, потому что я чувствовала как тёплый, живой запах угля смешивался с декабрьским морозцем.

– Павильон «Ласточка», – слуга кивнул на здание. – Здесь живут девушки, а павильон «Ястреб» для юношей.

– Почему их так называли? – спросила я.

– Ласточка быстрая, но хрупкая, – ответил слуга. – Ястреб сильный, но тяжёлый, зимой ласточки улетают на юг, а ястребы остаются.

Понятней мне не стало, но я кивнула, посмотрела на серое здание, в одном из окон мелькнула светлая тень, но разглядеть лицо я не успела, стекло сразу же запотело изнутри.

Все в этой Академии было таким современным! Настоящие стекла, дирижабль, я не знала, нравится мне это или нет, в Осенней обители все было по-старинке...

– Ваши вещи доставят в комнату, госпожа, – слуга поклонился, и его дыхание облачком растаяло в холодном воздухе. – Вас ждут в главном корпусе для регистрации.

Я вздохнула и пошла к пагоде.

Глава 14. Странности странных людей.

Внутри главного корпуса было тепло, высокие потолки, тёмные деревянные балки, каменный пол, нагретый снизу – я чувствовала тепло, шедшее от него.

По стенам висели огромные вертикальные свитки с каллиграфией, на них кроваво-красной тушью были выведены имена лучших учеников Академии.

Некоторые, немного выцветшие от времени имена, знала даже я, я смотрела на них, испытывая благоговение. Великие люди учились в этом месте.

Яркие электрические лампы освещали все вокруг и я старалась не слишком глазеть на это чудо.

Я вообще старалась не глазеть, но получалось у меня плохо, радовало только то, что коридоры были пусты и никто этого не видел.

Регистрация заняла не больше десяти минут – это была просто формальность.

Женщина в строгой форме, с идеально уложенными волосами и лицом, не выражающим никаких эмоций, пролистала мои документы, сверила фотографию на них и, поставив печать, протянула мне два свёртка.

– Форма, расписание и учебники, – сказала она. – Два комплекта для тренировок и парадная, носите ее с достоинством, на занятия можете приходить в своем.

Я взяла свёрток с вещами, чувствуя, как его грубая ткань царапает пальцы.

Женщина еще раз окинула меня взглядом.

– Ваше имя?

– Сатоми Аями.

– Носите эту форму с достоинством, – повторила она, как заклинание, и махнула рукой в сторону двери. – Ваша комната двадцать семь, ужин у нас в семь вечера. Завтра в шесть утра построение во дворе главного корпуса, не опаздывайте.

Я поклонилась по привычке, хотя здесь это, кажется, не требовалось, и вышла.

В коридоре я остановилась, прижавшись спиной к холодной стене, в этой огромной пагоде, оснащенной по последнему слову техники, я чувствовала себя самозванкой.

Маленькой девочкой из картонной коробки, которую нарядили в чужую одежду и привели в чужой дом с чужими правилами.

Но я закрыла глаза, сделала глубокий вдох и почувствовала, как на затылке теплеет черепаховый гребень.

– Я не одна, – напомнила я себе. – Я больше никогда не буду одна.

Я выпрямилась и пошла к выходу, на улице всё ещё было серо и холодно, сакура у входа в парк стояла голая, чёрная, присыпанная снегом.

Я смотрела на неё и вдруг поняла, что хочу дожить до весны, до того момента, когда эта сакура зацветёт.

Павильон «Ласточка» встретил меня запахом чая, горячим воздухом из печей и тихими голосами девушек.

Внутри оказалось уютнее, чем я ожидала: деревянные полы, тёплые циновки на них, низкие столики в общей гостиной, несколько девушек повернули ко мне головы, когда я неуверенно вошла.

– Ты новенькая?

Я повернулась, спрашивала девушка, стоявшая в дверях гостиной, волосы собраны в высокий хвост, на поясе висел короткий меч. Она смотрела на меня с любопытством, но без враждебности.

– Сатоми Аями, – представилась я и моё дыхание уже не парило, здесь было очень тепло.

– Ходзё Юки, – ответила девушка. – Из клана Ходзё. Ты та самая таинственная наследница из клана призрачных воинов, появившаяся из ниоткуда?

Я не знала, что ответить на это.

– Кажется, да, – сказала я.

Юки улыбнулась.

– Интересно будет посмотреть, на что ты способна, Сатоми-сан. Добро пожаловать в Академию.

Она развернулась и ушла на улицу, оставив меня стоять посреди гостиной под взглядами остальных.

– Я – Хана, это Мио, Сая и Рей, – представила девушка в богатом наряде своих подруг, – Какую комнату тебе дали? – Поинтересовалась Сая.

– Двадцать семь.

– О, не повезло тебе, будешь жить с нашей Каракури, это в конце коридора на втором этаже, – Хана махнула рукой в сторону лестницы.

Я молча, не меняясь в лице, пошла в том направлении, мне не нравилось, когда люди давали другим прозвища, наверное, потому, что в прошлой жизни мне тоже их давали и ни одно из них не было приятным.

Каракури – механическая кукла... за что они ее так? Я толкнула дверь и та бесшумно скользнула в сторону, открывая большое, но уютное пространство.

Два письменных стола у окна, два шкафа для формы и личных вещей.

Пол был деревянным, тёплым и я с облегчением скинула обувь у порога.

Мои сундуки уже стояли у дальней ширмы, а на соседней кровати, поджав под себя ноги, сидела девушка.

Она не встала при моём появлении, даже не подняла на звук головы, просто сидела, уставившись в одну точку на стене напротив и медленно перебирала пальцами край одеяла.

Длинные чёрные волосы падали на лицо, как занавес.

Я замерла у порога, не зная, что сказать.

– Здравствуйте, – произнесла, наконец, тихо, чтобы не нарушить ее странного состояния.

Может она так медитирует?

Девушка медленно повернула голову, волосы скользнули в сторону, открывая бледное, почти прозрачное лицо, большие тёмные глаза и губы, которые шевелились, будто она разговаривала сама с собой.

– Зима в этом году холодная, – ровно сказала она. – Я видела, как замёрзла птичка у окна столовой, наверное, ей не сказали, что пришла зима.

Я не знала, что ответить и на это, поэтому просто медленно кивнула.

– Я – Сатоми Аями, – представилась я. – Мне сказали, поселиться в твоей комнате.

– Твоя комната, – повторила она, как эхо. – Моя тоже. Теперь она твоя и моя.

Она говорила странно, с паузами, будто слова приходили к ней не сразу или она переводила их с какого-то другого языка.

– Как тебя зовут? – спросила я.

Девушка посмотрела на меня долгим взглядом, разглядывая в упор и в её глазах мелькнуло удивление.

– Касуми Рин, – сказала она. – Но они зовут меня Каракури.

– Каракури? – переспросила я смущенно. – Механическая кукла?

– Да, – она кивнула один раз, резко, будто у неё была сломана шея. – Наверное, потому что думают, что я сломана, но это неправда, я просто не как они.

Она снова уставилась в стену и я поняла, что разговор закончен, по крайней мере, с её стороны.

Я тихо прошла к своей кровати, села, провела ладонью по одеялу.

Касуми Рин смотрела сквозь меня, туда, где стена встречалась с потолком, и её губы снова зашевелились беззвучно, будто она вела разговор с тем, кого я не видела.

Я вспомнила бабушкины слова: «В Академии ты будешь не единственной, кто видит то, чего не видят другие».

Может быть, Касуми Рин тоже видела, только иначе?

Не призраков, а что-то другое, то, что заставляло её уходить в себя и отвечать невпопад.

Я решила не задавать лишних вопросов, вместо этого открыла первый сундук, и начала разбирать вещи, стараясь не шуметь.

Касуми Рин сидела неподвижно, как статуя, и только пальцы её продолжали перебирать край одеяла медленно и ритмично.

– У тебя есть жених, – вдруг сказала она.

Я замерла с кимоно в руках, она не спрашивала меня, а утверждала.

– Что?

– У тебя есть жених, – повторила она. – Он очень старый, зачем ты выходишь замуж за такого старика?

Она повернула голову и посмотрела мне прямо в глаза.

– Откуда ты знаешь? – спросила я тихо.

Касуми Рин моргнула один раз.

– Я вижу, – сказала она. – Вижу нити, у каждого человека они есть. Они тянутся к прошлому, к будущему, к другим людям, твои нити... чёрные и одна из них уходит туда, куда я не могу смотреть. Там слишком темно, а вторая к тому, кто рядом, но она так тонка, почти порвалась.

– То, куда ты не можешь смотреть – это Призрачная Грань? – выдохнула я удивленно, неужели она видит, что я принадлежу призраку?

Девушка не ответила, только снова уставилась в стену и замолчала, будто у нее просто закончились слова.

Я опустилась на кровать, сжимая в руках кимоно, и почувствовала, как на затылке теплеет гребень. Кагэхира-доно молчал, но я знала, он слышал этот разговор.

Дорогие читатели приглашаю вас в мою новую книгу *Любовное зелье для некроманта. Рецепт выживания попаданки*. Читать тут: <https://litnet.com/shrt/eBpO>

Состав рецепта: 1. Убежать от убийц и спрятаться в Академии 2. Опоить некроманта и стать его невестой 3. Держаться от жениха подальше!

Глава 15. Новая встреча.

– Касуми-сан, – позвала я.

Она не отзывалась.

– Рин-сан? – Попробовала я по имени.

Тоже ничего. Совершенно никакой реакции на мои слова.

Я вздохнула, аккуратно сложила кимоно в шкаф и вернулась к своим сундукам. Если моя соседка была странной, это ещё не значило, что она была опасной или плохой.

Бабушка учила меня не судить по первому впечатлению и я решила, что в данной ситуации – это самое правильное.

Какое-то время мы молчали, я разбирала вещи, она сидела на кровати, и тишина между нами была не тяжёлой, а какой-то... задумчивой.

– Я видела твой приезд, – внезапно сказала Касуми Рин. – Ты смотрела на дирижабль с открытым ртом, как ребёнок.

Я почувствовала, как щёки заливают жар.

– Это было так заметно?

– Думаю, заметно было только мне, я смотрела из окна. Я всегда смотрю, когда не занимаюсь, люди делают странные вещи, когда думают, что их никто не видит.

Она замолчала, а потом добавила, чуть тише:

– Но ты не должна стыдиться, дирижабли красивые, восхищаться красивым не стыдно, стыдиться надо только того, что причиняет боль другим, ты никому не причинила боль, глядя на дирижабль.

Я посмотрела на неё с каким-то новым чувством, может, Касуми Рин была не такой уж и странной? Может быть, она просто была честной, честнее, чем могли вынести окружающие.

– Спасибо, – сказала я.

Она кивнула, опять тем же резким, дёрганым движением и тут в дверь постучали.

– Ужин через час, – сказала служанка из-за двери.

– Спасибо, – ответила я, Касуми Рин даже не повернула головы, все еще смотрела в стену.

Я закончила разбирать вещи, достала шкатулку с драгоценностями и поставила её на стол, потом подошла к окну, провела пальцем по замёрзшему стеклу.

За окном был сад, заснеженные деревья, и на их фоне высокая причальная мачта с пришвартованным дирижаблем, увидев который я стояла с открытым ртом, забыв о приличиях, я смотрела на то, какой он большой и красивый и мне больше не было стыдно за себя и свой детский восторг.

Я отошла от окна, потирая заledenевшие пальцы, села на свою кровать и достала из-за obi кинжалы, подаренные бабушкой.

Чёрная сталь блеснула в свете фонаря за окном, мне нравилось прикасаться к нему, это успокаивало.

Касуми – это клан провидцев, бабушка говорила, что они немного похожи на нас, тоже видят то, чего не видят другие и платят за это дорогую цену.

Я посмотрела на Касуми Рин, на её бледное лицо, на шевелящиеся губы, на руки, которые перебирали край одеяла, будто пересчитывали что-то.

Может быть, её странность – это и есть та цена?

– Рин-сан, – позвала я. – Ты сказала, что видишь нити, эти нити... то, что они чёрные – это плохо?

Рин открыла глаза, посмотрела на меня очень пристальным взглядом.

– Чёрный – это не плохо и не хорошо, – сказала она. – Чёрный – это цвет земли, в которую сажают семена, всё рождается из темноты.

– Спасибо, – сказала я.

Внезапно что-то изменилось, девушка словно очнулась ото сна, посмотрела на меня немного удивленно, – Извини, на меня часто находит, хочешь, я покажу тебе, где общая столовая? Гребень на затылке потеплел.

«Провидцы, – прошептал голос Кагэхира-доно у меня в голове, – с ними трудно, Аями, они всегда говорят правду, даже когда ты не хочешь её услышать, но понять эту правду не каждому дано».

За окном темнело, нам пора было идти, мы накинули тёплые хаори и пошли ужинать.

Общая столовая находилась на первом этаже главной пагоды, верхнюю одежду мы оставили в специальном помещении, рядом со входом, и пошли по коридору.

Я шла вслед за остальными, неуверенно поглядывая по сторонам.

Здесь были и девушки и парни, только сейчас я поняла, что ужинать мы будем все вместе и это заставляло меня чувствовать себя очень неловко.

– Мы ужинаем вместе? – на всякий случай уточнила я.

Рин улыбнулась, – Да, здесь стараются, чтобы мы привыкли быть на равных.

Я не могла представить, как совместные ужины могли в этом помочь, но, наверное, наставникам в этой Академии виднее...

А потом...

Все мысли вылетели из моей головы, я увидела группу парней.

Они стояли посередине коридора, не обращая внимания на то, что мешают входящим в столовую, но другие ученики, казалось, принимали это как должное, они просто обтекали эту группу, входя в раздвинутые двери столовой за их спинами.

Парни весело обсуждали что-то, приближаясь к ним, я слышала, как их смех вспыхивал время от времени, но не это меня ошеломило.

Я смотрела не на них, а на одного единственного парня, стоявшего чуть в стороне перед ними.

Увидев его, я словно на невидимую стену наткнулась, замерла внезапно посередине коридора, так что девушка, шедшая за мной, наткнулась на меня.

Она что-то буркнула недовольно, но я не слышала, мое бешено бьющееся сердце заглушало все голоса вокруг.

Кацуро.

Он вернулся! Снова появился, после стольких лет, он пришел ко мне, стоял посередине коридора и я видела его так же отчетливо, как и учеников Академии.

Мой вымышленный друг снова пришел в трудный для меня момент.

Слезы благодарности выступили у меня на глазах, но я усилием воли заставила себя следить за тем, чтобы не видеть его, что его здесь нет.

Я знала, никто кроме меня его не видит, он не материален, и я не должна бросаться к нему, как в детстве, глупо пытаюсь заключить его в объятия.

Я шла, по инерции переставляя ноги, намереваясь пройти сквозь него, чтобы не вызвать насмешек окружающих, обходя пустое место...

В прошлом мне слишком часто доставалось за разговоры с ним, за то, что вела себя так, словно он действительно существует, и я не хотела, чтобы в новом месте, среди новых людей, за мной закрепилась слава странной девушки.

Я шла, смотря сквозь Кацуро, словно его там нет, пока не уткнулась лицом в твердую, теплую грудь парня.

Замерла.

Неверяще подняла на него глаза и словно во сне, медленно подняв руку, положила ее на его грудь.

Под рукой ровно билось живое сердце...

– Одзё-сама, мы с вами не знакомы, не могли бы вы не прикасаться ко мне? – Холодный голос Кацуро медленно проникал в меня, а смысл его слов доходил еще медленнее.

Одзё-сама?

Он назвал меня «уважаемая госпожа»? Он? Кому я рассказывала все свои секреты, кто утешал меня после побоев мачехи, кто учил меня первым иероглифам, обратился ко мне, как к незнакомке?

!!! ТОЛЬКО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

Уважаемые читатели!!! Приглашаю Вас в мою недавно законченную книгу!!! Романтическая эротика о ведьме и оборотне. Милая героиня и Х.Э в наличии!

ВЕДЬМИНО СЧАСТЬЕ или ПОДСТАВА ДЛЯ ОБОРОТНЯ

Читать тут:

<https://litnet.com/shrt/yM-5>

Аннотация. В то, что человеческую девушку сватает за своего наследника сам глава Черных Волков, возвращая долг жизни, еще как-то поверить можно.

Но, если он сватает такую, как я – жительницу самого нищего района столицы нашего королевства, без гроша в кармане, без связей, влиятельных родственников – да еще и про долг этот никто, кроме него не знал... наводит на подозрения!

Да и сын у него – тот еще озабоченный хам! И лапы свои наглые вечно распускает. Только вот они не знали, кого в свое логово привели. Самую настоящую ведьму! То самое, абсолютное Зло, которое уничтожить по всему королевству пытаются.

Ну ничего, я с этими волками разберусь и со странностями в их семействе тоже.

Глава 16. Иней на ветке это то, что было росой.

Я стояла, замерев, не зная от чего испытываю больший шок, от его холодных слов или от реальности тепла его тела под моей ладонью и ровного биения сердца, которое я могла ощутить.

– Кацуро... это же я... – я смотрела на него снизу вверх, он стал таким высоким...

– Да, это мое имя, но я впервые вас вижу, – он нахмурил брови, вглядываясь в мое лицо, – хотя...

Надежда в моем сердце встрепенулась оживая, но тут же угасла, на его лице мелькнуло узнавание, но тут же сменилось холодной вежливостью, – Вы ведь Сатоми Аями? Наследница клана призрачных воинов, я видел вас на празднике в Осенней обители.

Он отступил на шаг назад и моя рука осталась висеть в воздухе...

– Мы с вами даже не говорили, то, что мы учимся в одной Академии, не повод вести себя так фамильярно, – сказал Кацуро.

Только тогда я поняла, что все это происходит на самом деле.

Мой Кацуро... он живой, реальный, настоящий человек, а вокруг нас другие люди.

Ученики, с огромным любопытством смотрящие на нас с ним, точнее на меня...

Девушку, что пристаёт к незнакомому парню на глазах у всех... Неприлично позволяет себе прикасаться к нему на людях!

Я быстро опустила руку и посмотрела вокруг.

Все взгляды были прикованы к нам, те, кто стояли чуть дальше, уже насмешливо перешептываются.

На лицах тех, что стояли поближе, застыло удивленное выражение.

– Простите, – я не знала, что еще сказать. Он смотрел на меня так, что я понимала, он действительно меня не узнает. Он не притворяется.

Мысли в голове путались, а лицо заливала краска стыда, может ли быть такое, что вся наша дружба лишь привиделась мне? А Кацуро действительно ничего не знает об этом?

Нет!

Здесь что-то не так, мне не могло просто показаться и имя! Его имя совпадает! Если бы я просто придумала все это себе, разве я бы могла знать, как его зовут?

За спиной Кацуро стояли другие молодые господа, они смотрели на меня с насмешкой, и мои щеки залил стыдливый румянец.

Я слотнула воздух, застрявший в горле и пробормотала еще раз, – Простите, я просто обозналась, спутала вас с другом детства.

Кацуро наклонил голову вбок с невыносимо высокомерным видом, – Ничего страшного, это просто недоразумение.

Он кивнул небрежно, только обозначая вежливый поклон, и я поспешила прочь в столовую, вся залитая краской стыда, мечтая умереть прямо на этом месте.

Шепотки остальных учеников преследовали меня, и кусок не лез в горло.

Кажется, все здесь тихо обсуждали мое поведение, и из столовой я ушла голодной.

– Не переживай, так бывает, ты помнишь его, а он тебя нет, не все мы оставляем одинаковый след в чужих жизнях, – как могла, утешала меня Рин.

Мне вдруг захотелось закричать что нет, так не бывает в нормальном мире. Что такое происходит только с такими ненормальными, как я!

Но я сдержалась, сжала кулаки так, что ногти впились до боли в кожу ладоней и улыбнулась,

– Да, ты права. Я просто не ожидала такого.

Ночью я лежала в своей кровати, перебирая самые счастливые воспоминания в своей жизни.

Все они были связаны с Кацуро... Но этот парень, он так уверенно говорил, что не знает меня.

Я решительно запретила себе думать о нем и дальше, хватит, нужно спать. Завтра первый день моих занятий. Но как бы я ни старалась, этой ночью я почти не спала.

Каждый раз, когда я закрывала глаза, я видела лицо Кацуро.

Не это, холодное и надменное, которое смотрело на меня сегодня у входа в столовую, а еще детское, с серьезными глазами и улыбкой, которую он прятал ото всех, но не от меня.

«Ты – молодец, так быстро читаешь». «Ты очень красивая, Аями». «Не слушай её».

Я переворачивалась с боку на бок, сбивала одеяло, потом натягивала его обратно.

Касуми Рин спала на своей кровати у стены, и я не слышала даже её дыхания, только тишину комнаты и свои собственные мысли, которые никак не хотели замолкать.

Кацуро жив.

Кацуро настоящий. Кацуро не помнит меня.

Я приказала себе забыть. Запретила думать. Сжала зубы так сильно, что заболела челюсть.

В шесть утра раздался резкий, металлический звук, он разнёсся по всему павильону, заставляя меня подскочить на кровати.

– Построение через пятнадцать минут, – донёсся из коридора голос старшей по этажу. – Опоздавших накажут.

Я никогда не опаздывала. В доме моей мачехи Эцуко-сан это было непозволительной роскошью – встать позже всех.

Тело привыкло просыпаться от любого резкого звука, и сегодня эта привычка оказалась полезной.

Я умылась ледяной водой из кувшина, в павильоне не было горячей воды по утрам, только холодная, чтобы закалять тело и дух, как мне объяснили.

Натянула форму, застегнула все пуговицы, проверила, что кинжалы надёжно спрятаны за поясом. Гребень вплела в причёску машинально, даже не думая.

Касуми Рин уже сидела на своей кровати одетая.

– Ты не будешь завтракать? – спросила я.

Она повернула ко мне голову.

– Я не голодна, – сказала она. – Сегодня будет тяжелый день. Лучше не есть много.

Я не стала спрашивать, что это значит, только кивнула и вышла в коридор.

Аллея между павильонами уже была полна учеников.

Все одеты в тёмно-синюю форму, они уверенно выстраивались ровными рядами – юноши справа, девушки слева.

Строгое разделение, которое чувствовалось даже в том, как они дышали. Влажные облачка пара вырывались из ртов, смешиваясь в общее белое облако, которое медленно поднималось к серому декабрьскому небу.

Я встала в конец женского строя, стараясь не привлекать внимания.

Но мне казалось, после вчерашнего моего позора, все они смотрят именно на меня. Множество незнакомых лиц, я чувствовала их взгляды, но не опускала головы.

Вчерашний позор ещё горел на щеках, но сегодня я твёрдо решила: никто не увидит моей слабости.

– Сатоми-сан, – раздалось слева.

Я повернула голову к девушке с красивыми светлыми волосами, она смотрела на меня без улыбки, холодно и почти зло.

– Ты вчера опозорила перед Кацуро-сан, – сказала она, четко на всеуслышание чеканя свои слова. – Вся Академия уже знает, так что держись от него подальше, он не для таких, как ты. Даже не мечтай, что тебя выберут ему в пару!

Я не спросила, что значит «ему в пару», я и так понимала, что теперь я для всех изгой, и уж точно Кацуро после такого не захочет со мной общаться, поэтому только кивнула.

Девушка довольно усмехнулась и отвернулась от меня.

Я тоже отвернулась и больше не смотрела по сторонам. Смотрела четко перед собой и вовремя.

Сквозь два наших ряда уже медленно шел старший мастер – сухой старик в светлых, почти летних одеждах.

Я стояла и не понимала, для чего нужно все это построение и осмотр. Он просто прошел между нашими рядами, не сказав ни слова, а потом нас отпустили на завтрак.

Я не решилась пойти вместе со всеми, мне казалось, что если пореже появляться у них на глазах, про мой позор и мое существование со временем забудут.

Вместо столовой, я пошла в библиотеку, о которой упоминал слуга, и час до начала занятий провела за чтением.

На первом же занятии учитель говорила о природе Ки, о каналах, по которым она течёт, о том, как магия отличается от обычной жизненной энергии.

Я слушала, но мало что понимала, в обычных школах для бедных магии не обучали, я была хороша в математике, физике и письме, но магия, да, она у меня была, но теории я не знала совершенно.

В Осенней обители бабушка успела научить меня только основам.

Медитация, дыхание, призрачный шаг и то, что было можно применить для своей защиты, но целостной картины у меня не было, я знала отдельные кусочки, но не знала, как они соединяются.

– Сатоми, – лектор посмотрела на меня поверх очков. – Определение «пустого канала».

Я замерла, понимая, что второй позор за сутки мне не пережить...

Но ответ я не знала, а значит и позориться придется... Опять.

В классе повисла тишина, кто-то из девочек захихикал сзади.

– Я не знаю, – сказала я честно, чувствуя, как горло сдавливает ледяной обруч.

Лектор вздохнула.

– Почитайте на ночь главы третью и четвертую. Завтра спрошу вас еще раз.

Я села, сжав зубы с прямой спиной, чувствуя взгляды между лопаток.

«Ничего, – сказала я себе мысленно. – Ничего. Я все наверстаю».

Следующим уроком была литература и я облегченно выдохнула.

Этот предмет я любила.

В доме отца и Эцуко-сан книги, которые приносил мне Кацуро, были единственным окном в другой мир.

Большой, красивый мир, где не было побоев и голода, я читала всё, что могла найти, запоминала стихи, переписывала их в тетрадь, чтобы перечитывать в чулане при свете керосиновой лампы.

Пожилой мужчина-наставник медленно вошел в класс, опираясь на трость из чёрного дерева, и сел за кафедру, долго рассматривая учеников мутноватыми глазами. Потом сказал:

– Сегодня мы пишем эссе на тему смерть в поэзии танка. У вас один час.

Класс зашумел, кто-то застонал, кто-то начал быстро перелистывать тетрадь.

Я взяла кисть, обмакнула её в тушь и замерла.

Смерть.

Мне казалось, я знала о смерти больше, чем кто-либо в этом классе.

Я не просто читала о ней в стихах, я лежала в ржавом ящике и чувствовала, как жизнь покидает моё тело. Я слышала, как останавливается сердце матери и чувствовала, как перестает биться моё собственное сердце.

Моя кисть взлетела над бумагой и на ней стали появляться слова:

«Осенний лист ивы падает в воду,

*Круги расходятся,
Но лист не видит их.*

Так и смерть –

Последний круг, который ты уже не замечаешь».

Потом ещё одно:

«Иней на ветке –

*То, что было росой
Несколько часов назад.
Смерть – это просто
Другое состояние воды».*

Глава 17. Бездарность или пример для подражания?

Я быстро двигала кистью, не раздумывая и не подбирая слов. Они приходили ко мне сами, как будто ждали этого момента, чтобы вырваться черной тушью на бумагу.

Когда я закончила и подняла голову, учитель стоял за моим плечом.

Я так увлеклась, что даже не слышала, как он подошёл, и вздрогнула от неожиданности.

Он читал написанные мной строки... Потом поднял глаза, по выражению лица было совсем непонятно, о чем он думает, и я испугалась, что написала что-то не то...

– У тебя талант, девочка, – прошептал он тихо, наклонившись ко мне, выпрямился, взял мой лист и ушёл на своё место, не сказав больше ни слова.

Я осталась сидеть, чувствуя, как пальцы дрожат на кисти.

Меня похвалили?

После занятий я не пошла в столовую со всеми. Вместо этого я нашла свободную комнату для медитаций на третьем этаже пагоды – маленькую, прохладную, с одним окном, выходящим на заснеженный парк.

Села на циновку и закрыла глаза.

Дыхание. Вдох. Выдох.

Я пыталась вспомнить, чему учил меня Рендзо. Как чувствовать поток Ки, как направлять его, как не бояться пустоты внутри.

Но вместо пустоты я видела Кацуру.

Его смеющееся детское лицо сменяло уже взрослое... холодное и чужое.

«Я впервые вас вижу».

Я открыла глаза.

Гребень на затылке горел.

– Такацугу-сама, – прошептала я в пустоту. – Ты видишь это? Ты знаешь, почему он меня не помнит?

Тишина.

Я ждала, вцепившись пальцами в колени, но ответ не пришёл. Я сжала зубы и снова закрыла глаза, значит придется разбираться самой.

Сегодня был всего лишь первый день.

Впереди еще много времени, чтобы узнать правду.

А пока мне нужно учиться и становиться сильнее.

Я не имею права на слабость и не имею права быть в этой Академии посмешищем.

Я – Сатоми Аями, наследница клана призрачных воинов.

Я встала и решительно вышла из комнаты, у девочек скоро занятие по фехтованию. Нужно было вернуться к себе в комнату за одеждой.

Я впервые надевала тренировочную форму: лёгкие штаны из тёмной ткани и куртку плотную, но не стесняющую движений.

Никаких кимоно, никаких оби, только свобода. Я удивленно смотрела на себя в зеркало, наряд казался почти неприличным.

В раздевалке было шумно, все болтали, как старые знакомые, смеялись, кто-то нервно перебирал ремешки доспехов.

Только я чувствовала себя чужой и не знала ни правил, ни имён, ни того, как здесь принято себя вести.

В Осенней обители я тренировалась одна, под присмотром Рендзо, здесь же всё было совершенно иначе.

Я стояла у своего шкафчика, застёгивая последнюю пряжку, когда услышала голос справа.

– Кимура Михо, ты заняла мою вешалку.

Я подняла глаза, девушка со светлыми волосами, та самая, которая говорила мне держаться подальше от Кацуру, небрежно перекинула свою форму через соседнюю вешалку и усмехнулась.

– Не ной, возьми другую.

Кимура Михо. Я запомнила это имя.

Она заметила мой взгляд в зеркале, наши глаза встретились на секунду, Михо ничего не сказала, только усмехнулась уголком губ и отвернулась, будто я была пустым местом.

Я тоже не стала ничего говорить, сжала потуже ремешок на запястье и вышла в зал.

Тренировочный зал оказался огромным, с высокими потолками и деревянным полом.

По углам горели магические лампы, разгоняя зимний полумрак. Вдоль стен на подставках лежали боккэны – деревянные мечи, тёмные от времени и множества прикосновений.

Инструктор ждала нас в центре зала.

Она была невысокой, но в ней чувствовалась сила, которая не зависела от роста.

Жёсткое лицо, седые волосы, собранные в тугую узел, и длинный шрам на правой руке, он тянулся от запястья до локтя светлым росчерком на ее коже.

– Постойте, опоздавших накажу лично. Боккэн в руки. Покажете, что умеете.

Мы разобрали мечи, боккэн оказался тяжелее, чем я ожидала, не намного, но достаточно, чтобы я почувствовала разницу с тренировочным оружием в Осенней обители.

Рендзо называл меня бездарностью, когда в моих руках боккэн... неужели и сегодня мне придется пазориться...

Инструктор заставила нас повторять базовые удары снова и снова, вверх-вниз, вверх-вниз, блоки и связки.

Она ходила между ровными рядами девушек, поправляла руки, била по спинам, если кто-то сутулился, и ругалась сквозь зубы, когда движение было неверным.

– Быстрее! – кричала она. – Вы не чай мешаете, вы учитесь убивать!

Я вкладывала в каждое движение всё, чему успел научить меня Рендзо, свое дыхание, вес, перенос центра тяжести, я помнила каждое его слово.

Инструктор остановилась напротив меня.

Я замерла, не зная, ждать похвалы или наказания.

Она смотрела на мои руки, на то, как я держала меч, на мои ноги, расставленные для устойчивости шире плеч.

– Повтори связку, – приказала она.

Я повторила, первый удар сверху, поворот, второй снизу, перехват, колющий – кажется, всё вышло так, как учил Рендзо, быстро, без лишних движений.

Инструктор молчала несколько секунд, потом обернулась к остальным.

– Смотрите все. Вот как надо держать меч. Вот как надо двигаться. У неё техника лучше, чем у большинства из вас, хотя она здесь новенькая.

Она кивнула на меня, даже не назвав по имени.

– Запомните это ощущение. Повторите то, как она стоит. То, как дышит.

И опять я чувствовала на себе взгляды, но теперь они были внимательными и даже уважительными... почти все.

Михо стояла через два ряда от меня, сжимая боккэн так, что побелели костяшки. Её губы были плотно сжаты, а глаза превратились в узкие щелки, пылающие злостью.

Я отвела взгляд.

После тренировки все разошлись по раздевалкам. Я сидела на скамейке, разматывая ремешки с запястий, когда рядом остановились чьи-то ноги.

Я подняла голову.

Кимура Михо стояла надо мной, скрестив руки на груди. Её светлые волосы растрепались, на лбу блестела испарина, но в глазах не было усталости, только холодная злость.

– Не думай, что ты особенная, Сатоми, – прошипела она, и каждое слово было как удар. – Твой клан – прошлый век. Все эти ваши призраки, тени... ничего этого нет. Ты просто девчонка, которая умеет размахивать палкой.

Она наклонилась ближе. – А Мицу Кацуро-сан не для таких, как ты. Он из воинского рода. Настоящего рода. А ты...

Она не закончила. Только усмехнулась, развернулась и ушла, хлопнув дверцей шкафчика с такой силой, что звук разнёсся по всей раздевалке.

Я осталась сидеть, сжимая ремешки в руках.

Внутри поднималась обида.

Мне хотелось встать, догнать её и сказать что-то резкое, что-то, что поставило бы её на место.

Но я вспомнила бабушкины слова: «Не ищи обид там, где их нет».

Я опустила голову.

Так то оно так, но я не искала обиду. Она нашла меня сама.

А я не ответила... Но ответ был бы слабостью! Он сделал бы меня такой же как она, а я не могла позволить себе слабость и не хотела становиться как Михо.

Я аккуратно сложила форму, надела тёплое хаори и вышла в коридор.

Внутри всё ещё горела обида, но я заставила её замолчать.

Гребень на затылке был холодным – Кагэхира-доно молчал.

Я не знала, одобрял ли он моё молчание, когда Михо словами нападала на наш род. Но мне показалось, что сила не в том, чтобы ударить кого-то в ответ. Иногда сила в том, чтобы стерпеть и не сломаться.

Я шла по коридору и мои шаги звучали твёрдо.

Михо была не последней, кто попытается меня унижить. Но и я была не первой, кто научился терпеть.

Глава 18. Падение в пропасть его обьятий

Гул голосов, смех, перешёптывания за моей спиной – всё это давило на меня сильнее, чем я ожидала.

Здесь было так много людей, а я не привыкла к толпе, и уж точно не привыкла находиться в центре внимания.

В доме отца и Эцуко-сан я была невидимкой, которую никто не замечал, в Осенней обители слишком занята обучением и тренировками с Рендзо, чтобы обращать внимание на все остальное.

А здесь, в Академии, у меня появилось время думать о глупостях.

Коридор главного корпуса утопал в вечернем полумраке, лампы горели вполнакала, а за окнами уже стемнело.

Снег падал крупными хлопьями и ветер тихонько завывал где-то в верхних этажах пагоды, заставляя деревянные балки тихо поскрипывать.

Я свернула в боковой коридор, который вёл к выходу во внутренний двор, а оттуда к павильону «Ласточек». Здесь было почти пусто, только в самом конце коридора я заметила мужской силуэт.

Я не придавала этому значения, мало ли кто задерживается после занятий.

Я шла быстро, перебирая в голове события сегодняшнего дня, литература и учитель, сказавший, что у меня талант.

Тренировка, на которой меня тоже неожиданно похвалили... и ненавидящий взгляд Кимуры Михо.

Вечно молчащая, пребывающая почти без движения, но все успевающая Касуми Рин, которая сидела на своей кровати уже в куртке и штанах и смотрела в стену, когда после обеда я вернулась переодеваться.

Я шла, погруженная в эти мысли, смотря, но не видя и не заметила, как пол под моими ногами стал скользким, кто-то оставил приоткрытым окно, снег растаял на теплых полах.

Моя нога поехала вперёд, я потеряла равновесие, взмахнула неловко руками, пытаюсь удержаться, но сумка с тренировочной формой перевесила, и я полетела вниз.

Зажмурилась, готовясь удариться о пол, но неожиданно удара не последовало.

Чьи-то руки крепко схватили меня за плечи, пальцы сжались почти больно, а потом меня рывком поставили на ноги.

Я перестала жмуриться, краснея, открыла глаза и оказалась лицом к лицу с Мицу Кацуро.

Он был так близко, что я видела каждую ресницу, каждую морщинку на его губах, крошечную родинку у виска, которую можно было разглядеть только с такого близкого расстояния.

Его темные глубокие глаза смотрели прямо в мои, и в них не было той холодности, что вчера у столовой.

Только удивление и беспокойство.

– Нужно быть осторожнее, – раздался его низкий голос, лицо было таким спокойным, будто он не напрягался совсем, хотя удержать падающего человека, наверняка, требует сил.

Я не могла говорить, горло сжалось, сердце билось где-то у самых рёбер и, чувствуя тепло его ладоней даже сквозь плотную ткань куртки, я мечтала о том, чтобы часть его спокойствия передалась мне...

– Сатоми-сан, с вами все в порядке? – добавил он, все еще не отпуская меня.

Я кивнула, не в силах выдать ни слова, я опять попалась ему на пути, так нелепо и глупо, настолько, что мне оставалось только надеяться, что он не решит, что я сделала это специально.

Привлекаю его внимание всеми способами, как говорила Михо...

Как же стыдно.

Я могла только надеяться, что он не думает обо мне так же...

Я отвела взгляд от его лица, опустила глаза, понимая, что готова расплакаться от чувства собственной никчемности.

И почувствовала, как он убрал руки. Очень медленно, будто не хотел этого делать, его пальцы соскользнули с моих плеч, и холод зимнего коридора сразу же вцепился в то место, где только что ощущалось его тепло.

– Вы совсем не смотрите под ноги, – сказал он. – Здесь скользко.

Просто констатация факта, но почему-то от этих простых слов у меня только сильнее защищало в глазах.

– Спасибо, – наконец выдавила я. – Впредь я буду внимательнее.

Он кивнул, развернулся и пошёл в сторону выхода, ни разу не обернувшись на меня, стоявшую по середине коридора.

Я смотрела ему вслед, чувствуя, как дрожат пальцы, всё произошло так быстро, всего несколько секунд, но каждая была драгоценной. Тепло его рук, близость. Взгляд.

Он не помнил меня, но я его помнила.

Я подняла сумку, поправила хаори и пошла дальше, стараясь ступать аккуратнее.

Гребень на затылке больше не был холодным, он горел.

Вечером в павильоне «Ласточка» я сидела в общей гостиной, пила тёплый чай из глиняной кружки и смотрела на огонь.

Остальные девушки уже тоже вернулись с ужина, в столовую я с ними не пошла, аппетита не было, а еще я боялась новой встречи с Кацуρο. Вот и осталась здесь, в гостиной было так тихо и уютно.

Несколько девушек читали книги, кто-то что-то писал в тетради. Касуми Рин сидела в кресле у окна и, как всегда, смотрела в пустоту.

Я почти успокоилась.

А потом в гостиную вошла Кимура Михо.

Её светлые волосы блестели в свете ламп, отливая осенним золотом, и она двигалась так, будто все вокруг – это сцена, принадлежащая ей по праву.

За ней шли две другие девушки, я видела их на тренировке, но имён не запомнила. Они сели на диван напротив меня, и Михо уставилась на меня с той же усмешкой, что и утром.

– Сатоми, – сказала она, растягивая гласные. – Я видела тебя сегодня в коридоре.

У меня внутри всё похолодело.

– Ты так мило изображала падение, а Мицу-сан тебя ловил, – она изобразила умиление, прижав руки к груди. – Прямо как в дешёвых романах. Ты специально это устроила, чтобы он тебя все же заметил?

– Нет, – ответила я тихо. – Я ничего не устраивала, просто поскользнулась, там был мокрый пол.

– Конечно-конечно, – Михо закатила глаза. – Все вы так говорите, думаешь, ты первая, кто придумывает такие уловки, чтобы приблизиться к нему?

Она повернулась к своим подругам и те противно захихикали.

Я промолчала, не желая связываться с этой девушкой, чтобы я ни говорила ей, она все равно мне не поверит.

Но Михо восприняла мое молчание, как приглашение продолжить свои нападки.

– Мицу Кацуро – наследник рода воинов Мицу, у них дар – ускорение и нечеловеческая сила в бою. Он гений, красавчик, и на него все девочки вешаются.

Она обвела рукой комнату, будто показывая всех моих соперниц.

– А ты?

А я думала о том, что это объясняет его роскошное детство, и то, что он успел там в коридоре не дать мне упасть, ведь стоял он довольно далеко от того места.

Я лишь пожала плечами, – Ты зря тратишь все эти слова на меня. Я просто спутала его с тем, кого знала когда-то в детстве, к тому же, у меня уже есть жених.

Спокойно ответила пышущей негодованием девушке.

Я никогда не думала о Кацуро, как о парне, он был моим другом, тем, кто утешал, частью меня и радостью моего детства.

Девушек мое объяснение, видимо, удовлетворило, но тема Кацуро оказалась слишком увлекательной...

– Жалко, что он такой нелюдимый, что не спросишь – молчит, только со своими друзьями разговаривает, да и с ними, – вздохнула одна из подруг Михо.

– Это точно, – поддакнула вторая девушка, – я как-то попросила его помочь с заданием, так он вообще сделал вид, что не услышал.

– Я слышала слух, что в детстве с ним провели какой-то тайный ритуал клана, – вставила Сая, присоединяясь к их разговору. – После которого он и стал таким. Даже со своими друзьями особо не разговаривает, а уж на девушек вообще внимания не обращает, как ни старайся.

– До сегодняшнего дня, – усмехнулась Михо, стрельнув в меня взглядом. – А тут вдруг ловит какую-то Сатоми, даже свой дар использует, чтобы наша новенькая не ушиблась и заодно упала прямо в его объятия.

– Не было никаких объятий, – сказала я. – Он просто меня придержал за плечи.

Михо сделала вид, что не расслышала моих слов.

Она наклонилась ближе и я почувствовала приторный запах её духов.

– Не рассчитывай на продолжение. Лучше найди себе какого-нибудь призрака, они тебе больше подходят.

Ее подруги засмеялись, а я смотрела на Михо, и во мне боролись два желания: встать и уйти или встать и ударить ее со всей силы.

Но я не сделала ни того, ни другого.

– Спасибо за информацию, – сказала я ровно. – Я учту.

Михо удивлённо приподняла бровь, она явно ждала слёз, обиды, оправданий, но я не дала ей этого удовольствия.

Я медленно допила свой чай, поставила кружку на стол, поднялась и вышла из гостиной, чувствуя на спине её взгляд.

Удивительно но Михо впервые за все время была почти права, призраки мне действительно подходят больше, только искать их мне нет нужды, один из них сам нашел меня и сделал своей невестой.

Глава 19. Нити прошлого

«Тайный ритуал клана, – вертелось в моей голове, – после которого Кацуρο изменился...»

Хотя верить сплетничающим девчонкам – это просто глупо. Откуда им знать о тайных ритуалах других кланов? На то они и тайные, чтобы о них никто не знал.

Но мысль о том, что Кацуро не просто делает вид, что забыл меня, а случилось что-то, что заставило его действительно забыть, была такой приятной...

Я вспомнила его взгляд сегодня, удивлённый, почти растерянный.

Тепло его рук. То, как медленно он убрал ладони с моих плеч, будто не хотел отпускать.

Он правда не помнил меня.

Но мне казалось, что что-то внутри него помнило и это что-то давало мне надежду на то, что он все еще мой друг, пусть и не знает об этом.

Кагэхира-доно никак не проявлял своего присутствия, но я чувствовала, что он наблюдает за мной или может не наблюдает, но чувствует мое смущение.

«Я выясню, что с тобой сделали, Кацуро, – пообещала я мысленно. – И я верну тебя себе, ты слишком мне дорог, чтобы просто забыть нашу дружбу».

Я выпрямилась и зашла к себе в комнату.

Касуми Рин подняла на меня темные глаза, но в них вдруг мелькнуло что-то живое.

– Ты думаешь о Мицу?

Я не стала отрицать.

– Да.

– Нити его судьбы... – Рин наморщила лоб, будто пыталась разглядеть что-то очень далёкое. – Они очень аккуратно оборваны, даже не оборваны, а будто кто-то взял ножницы и обрезал всё, что связывало его с прошлым предназначением.

Она посмотрела на меня.

– Кроме одной.

– Какой? – спросила я, затаив дыхание.

Рин покачала головой.

– Очень тонкая нить но она тянется к тебе, Аями. Он еще не помнит, но он тянется.

Она замолчала и снова уставилась в стену.

Я легла на свою кровать, укрылась одеялом и долго смотрела в потолок, потом просто закрыла глаза и позволила себе поверить в то, что нити, которые оборваны, всё ещё можно связать вместе заново.

За окном падал снег, и где-то в мужском павильоне «Ястреб» Мицу Кацуро, наследник рода воинов, сидел у окна и смотрел на заснеженный парк, не понимая, почему у него болит в груди и почему он не может забыть глаза девушки, которую видел всего второй раз в жизни. А в Осенней обители мечтал о сне древний призрак.

Глазами Кагэхира Такацугу

Призраки никогда не спят, но иногда они забываются в грезах. Погружаются в себя, в бесконечные, извилистые коридоры памяти, где время течёт в любую сторону.

Но сегодня я не могу даже забыться. Сегодня я все время чувствую её. Аями.

Она лежит в своей кровати в павильоне «Ласточка», укрывшись одеялом, и смотрит в потолок.

Я ощущаю ее ровное дыхание как свое, но... ее сердце бьётся слишком быстро для того, кто должен спать.

Моя невеста думает о том мальчике, которого знала всю жизнь.

О Мицу Кацуро.

К сожалению, я чувствую и это.

Я вижу её сны, её страхи и надежды, но не хочу ничего ей говорить.

Призракам не положено утешать живых и поэтому я просто сижу на камне в Саду Забвения, смотрю на чёрную воду пруда и вспоминаю свою долгую жизнь.

Когда-то меня звали Кагэхира Такацугу.

Я был генералом.

Не тем, кто сидит в роскоши и двигает фигурки на красивой карте.

Я был тем, кто идёт впереди войска, чувствуя, как земля дрожит под ногами тысяч воинов. Встречей с моим мечом гордились даже те, кто меня ненавидел, моим именем пугали детей в северных провинциях.

Я убил семнадцать командиров в долине Ёсино, перерубал сталь, как бумагу, и шёл сквозь стрелы, как сквозь дождь.

Войска, что шли за мной, думали, что я бессмертный.

Я и сам так думал.

Глупец...

Смерть не спрашивает, кто ты по рождению и готов ли ты, она просто приходит, когда хочет. А иногда её приводят те, кому ты верил.

Я не хочу вспоминать это лицо, не хочу слышать тот голос, который шепнул в шуме боя: «Прости, Такацугу-сама, так нужно. Приказ императора». Но память, как и смерть, не спрашивает разрешения, тоже приходит сама.

Клинок вонзился мне в спину, когда я смотрел на врагов впереди.

Я обернулся и увидел того, кто клялся мне в верности, кто называл меня своим другом и, все еще не веря, упал на колени, а потом повалился на землю, удивленно наблюдая, как заливала траву моя алая кровь, я смотрел на небо, такое голубое и спокойное.

«Не сейчас», – пронеслось в моей голове. – «У меня ещё есть дела».

Но смерть не интересовали неоконченные дела смертного, а проклятый предатель уже вынимал кинжал из моего тела.

Я знаю, как сложилась его судьба, он прожил долгую жизнь и умер в своей постели, окружённый внуками.

Так часто бывает с теми, кто предаёт. Справедливость приходит не всегда, иногда она приходит слишком поздно или не приходит вообще.

Моя жена, Киё, она была очень красивой...

Умирая, я вспоминал её лицо, думал о ней до самого последнего своего вздоха.

Видел ее лицо так же отчётливо, как в день нашей свадьбы. Эти тонкие брови, тёмные волосы, собранные в тяжёлый узел на затылке, и такие же чёрные, как у Аями, глаза.

Та особая глубина и изящный разрез, как у всех женщин нашего рода.

Она ждала меня дома пока я умирал на поле боя, истекая кровью, потом ждала ещё три дня, пока гонцы везли моё тело через горы. А когда увидела, даже не заплакала, только сжала губы так, что они побелели, и сказала:

«Ты обещал вернуться, ты мне солгал Кагэхира Такацугу».

Она не дождалась от меня ответа, я уже был мёртв, но еще не был таким как сейчас, тогда я мог только наблюдать за происходящим.

Через месяц она пришла в наш сад, на то самое место, где мы впервые поцеловались под цветущей сливой. Она села на камень, обняла свой округлившийся живот и закрыла глаза.

Я кричал и звал её, бился о невидимую стену между мирами, пытаюсь достучаться, но она не слышала меня. Она чувствовала только пустоту, которую я оставил своей смертью.

Она родила наше дитя и вскормила его, но потом все равно умерла на том же камне, где теперь сижу я, просто от тоски.

Я помню каждое мгновение того дня, хотя с тех пор прошли века.

Солнце садилось за горами, окрашивая небо в цвет старой крови: багровый, тяжёлый, почти чёрный по краям.

В саду пахло хризантемами – Киё любила хризантемы, она посадила их сама однажды весной, ещё когда я был жив.

А теперь она лежала на камне, обнимая его руками так, словно прилегла отдохнуть, но я почувствовал, как вздрогнул и изменился мир, когда нить ее жизни оборвалась.

В тот момент пустота внутри меня стала такой огромной, что я перестал понимать, где заканчиваюсь я и начинается этот мир.

Я закричал.

Я кричал так, как никогда не кричал в битвах, когда стрелы рвали мою плоть, а мечи рубили кости.

Я кричал всей своей призрачной сущностью, всей той тьмой, что осталась от моей души.

«Верни её!» – требовал я у неба, у земли, у богов, которые давно забыли дорогу в этот мир. – «Верни её или я уничтожу всё!»

Я сыпал пустыми угрозами, но небо молчало.

И тогда ярость, которая копилась во мне с того самого момента, как моя жизнь оборвалась, вырвалась наружу.

Глава 20. Сад недоступного забвения

Глазами Кагэхира Такацугу

Слова слишком слабы для того, что потом случилось, ими сложно описать, как всё моё существо, вся моя боль, вся моя любовь и моя вина перед любимой, всё это разорвалось внутри меня, словно переспелый плод, и брызнуло во все стороны призрачным огнём, наполненным силой.

Дом, который я построил для Киё, осветило серебристое пламя, деревья в саду согнулись, будто от урагана, а потом застыли в новых, неестественных позах, сбросив листья и цветы.

Земля под ногами вздыбилась, каменные плиты треснули и из трещин потянулся холодный туман.

Камень, на котором умерла Киё, навсегда почернел, позднее, ни дожди, ни годы не смогли смыть эту черноту, будто сама смерть оставила на нём свою печать.

Когда всё стихло, я стоял на коленях рядом с телом жены и смотрел на то, во что превратилось мое поместье.

Это больше не был уютный сад, где резвились наши дети.

Это место стало другим – местом, где грань между мирами истончилась до предела, где живые чувствуют призраков, а мёртвые почти живут.

Я не хотел находиться здесь без нее и попытался уйти навсегда, переступить Призрачную Грань окончательно, уйти туда, откуда не возвращаются, туда, где, возможно, меня ждала Киё.

Но у меня не получилось, моя ярость, моя любовь и вина сплелись в невидимую цепь, которая держала меня здесь, привязывала к этому камню, к этим деревьям, к этому саду, который теперь навсегда стал моим домом.

Когда не можешь отпустить, потому что ты не можешь простить себя, не можешь и уйти.

И я остался.

На месте моего дома потомки построили новое поместье – Осеннюю обитель.

Они знали, на какой земле строят, уже чувствовали, что здесь грани, разделяющие живых и мёртвых, очень тонки.

Магия места пропитала всё вокруг, и теперь мёртвые здесь могли разговаривать с живыми. Не со всеми, только с теми, в ком текла моя кровь или с теми, кто прикоснулся к Призрачной грани, но вернулся в мир живых.

А мой сад... Здесь время стало течь иначе, будто кто-то нарочно растягивал каждое мгновение, чтобы я не чувствовал его течение и не спешил умирать.

Мои потомки назвали это место Садам Забвения.

Я рассмеялся, когда услышал это впервые, но позволил названию прижиться.

Ироничное название, я не могу ни забыться, ни забыть даже в этом саду.

Я часто думал о том, что было бы, если бы я принял смерть жены тихо, как подобает воину? Может быть, тогда я смог бы уйти, может быть, тогда я был бы сейчас с ней?

Когда я впервые увидел Аями, я почувствовал то же самое, что чувствовал века назад, глядя на остывающее тело Киё. Тот же холодок в груди, то же странное бессилие перед судьбой и страх потерять навсегда.

Аями... В её взгляде, когда она впервые увидела меня, не было страха, только любопытство и принятие всего, что посылает ей судьба.

Она совсем не боялась призраков, не боялась меня и даже предстоящей смерти.

Аями.

Мне нравилась главная пагода, хотя она и была странной помесью современного и старого.

Остальные ученики жаловались на холодные коридоры, скрипучие полы и отсутствие современных отопительных печей в некоторых комнатах, но я не понимала их страданий.

После тесного домика в Хигаси-Накано, это место казалось мне почти дворцом, в Осенней обители я прожила слишком мало, чтобы привыкнуть к роскоши и комфорту, как к чему-то само собой разумеющемуся.

За окнами медленно падал снег.

Крупные хлопья кружились над внутренним двором Академии и ложились на дорожки ровным белым покрывалом.

Зима здесь выглядела совсем иначе, чем в моём детстве.

Она была чистой...

Раньше зима означала для меня вечную грязь.

Промокшие ботинки, замёрзшие пальцы и бесконечное беспокойство о том, хватит ли денег на уголь.

Теперь я могла просто смотреть на нее и любоваться ее красотой.

Иногда мне до сих пор казалось, что я живу чужой жизнью.

Занятие по этикету проходило в зале для приемов Академии. Я быстро прошла, занимая место среди учеников, лишь скользнув взглядом по Кацуру.

Но и этого было достаточно, чтобы мое сердце сбилось с ритма, я встала и опустила взгляд, рассматривала паркет под своими ногами, стараясь успокоиться.

Вдоль стен здесь стояли изящные стулья из темного дерева, учитель этикета, господин Асано, был пожилым мужчиной в безупречном черном смокинге европейского кроя, но с традиционным веером в руке.

Он медленно прошелся перед учениками и разговоры мгновенно стихли.

Глава 21. Шелк, скрывающий сталь.

Казалось, этот человек обладал удивительной способностью заставлять учеников замолчать одним взглядом, даже самых шумных.

Он остановился, резко шелкнул веером и внимательно посмотрел на нас,

– Сегодня мы продолжим изучение дворцового этикета.

Несколько человек тяжело вздохнули, я удивлённо моргнула, мне эта тема казалась очень интересной.

Гораздо интереснее некоторых математических дисциплин.

– Многие из вас считают эти занятия скучными, – продолжил говорить преподаватель. – Однако через несколько месяцев большинство из вас поймёт, насколько они важны.

Он сделал небольшую паузу.

– Наша Академия занимает особое положение в Империи.

Эту фразу я слышала уже не первый раз, но сейчас преподаватель явно собирался рассказать что-то новое, по крайней мере для меня.

– За последние двести лет здесь обучались представители крупнейших кланов страны, дети министров, генералов и высокопоставленных чиновников.

Кто-то рядом тихонько зевнул, прикрываясь веером, похоже, для многих это тоже не было новостью.

– Более того, среди выпускников Академии был наследник императорской семьи.

На этот раз учителю удалось привлечь внимание учеников, в зале стало заметно тише, даже те, кто минуту назад скучал, сейчас выпрямились.

Я тоже невольно расправила плечи, наследник императора? Настоящий наследник и он учился здесь?

В этой самой Академии, где учусь теперь я?

Почему-то эта мысль казалась мне невероятной, я понимала, что будущий император тоже из плоти и крови, и его тоже должен кто-то учить... Но все равно не верилось.

Преподаватель словно ожидал такой реакции, осмотрел нас с превосходством во взгляде.

– Императорская семья традиционно уделяет особое внимание нашей Академии. Поэтому каждый год для учащихся здесь проводится праздник во дворце.

Я почувствовала, как сердце забилось быстрее, приглашение во дворец!

До сих пор я видела его только на рисунках.

– Кроме того, представители императорского дома лично присутствуют на выпускных экзаменах старших курсов.

Некоторые ученики выглядели испуганными, другие наоборот довольными, а я пыталась представить, как выглядит человек, который каждый день может разговаривать с императором.

Наверное, он должен быть совершенно особенным и уж точно не таким как я...

– Для поездки во дворец Академии выделяется специальный дирижабль, на котором мы полетим на праздник.

После этих слов я перестала слышать всё остальное.

Дирижабль.

Не маленькая точка высоко в небе, не картинка в учебнике и не фотография на газетной странице.

Настоящий дирижабль, который можно посмотреть изнутри.

С каютами, коридорами и смотровыми палубами.

Я смотрела на преподавателя так внимательно, будто от каждого его слова зависело счастье моей жизни.

Дирижабль.

Мы полетим на дирижабле. Я полечу! Я готова была стать лучшей в этой Академии, только чтобы взойти на его борт.

Мне казалось, что я должна переспросить ещё раз, просто чтобы убедиться, что не ослышалась.

В детстве я могла часами смотреть в небо, я покосилась на Кацуро, он часто смеялся над моей одержимостью дирижаблями, только вот... сейчас он не помнил этого. Сейчас слова преподавателя оставили его совершенно равнодушным...

В детстве каждый раз, когда над районом появлялся дирижабль, я бросала все дела и выбегала на улицу.

Мачеха бесилась, наказывала, но я ничего не могла с собой поделать.

Тогда мне казалось, что оказаться на его борту невозможно, такие вещи происходили только с богачами, а не с девочками из бедных кварталов.

А Кацуро называл меня глупышкой и смеялся.

И вот теперь преподаватель говорил об этом так, словно полёт на дирижабле был самой обычной частью школьной жизни.

Мне хотелось вскочить и начать расспрашивать его о каждой мелочи, большие ли там окна?

Можно ли потрогать винты и как выглядит кабина пилота?

Но остальные ученики сохраняли спокойствие и мне пришлось делать вид, что я тоже спокойна.

Получалось плохо.

Вторая половина урока оказалась ещё более странной.

Преподаватель рассказывал о правилах поведения в императорском дворце.

Господин Асано плавно раскрыл веер, щелчок кости прозвучал в тишине зала как предупреждение.

– Молодые господа и госпожи, – тягучий голос Асано был тихим, но от него пробирало до костей.

– Этой весной на Фестивале Глициний вы выйдете на сцену перед императорской семьей. Вы кровь и плоть великих кланов. И ваши враги и друзья будут смотреть на вас, они будут искать трещины в вашем воспитании. Ошибка в поклоне стоит потери лица, а потом и потери союзников.

Он остановился перед одной из девушек.

– Язык веера в руках аристократки – это полноценный телеграф. Расскажите мне, что вы знаете об этом.

– Раскрыт полностью – «я готова к диалогу», закрыт с щелчком – «разговор окончен», прикрывает нижнюю часть лица – «я применяю скрытое заклинание, скрываю улыбку». – Четко ответила девушка.

Господин Асано удовлетворённо кивнул и его взгляд скользнул дальше, остановившись на мне.

– Сатоми-сан, – мне показалось, что его голос смягчился немного, когда он обратился ко мне, – А как вы думаете, почему императорский двор до сих пор использует веера во времена, когда уже изобретены телеграф и радио?

Я замерла.

Вопрос был не из учебника, потому что весь учебник я прочла...

В голове пронеслись обрывки воспоминаний. Бабушка Сидзуэ за чайной церемонией и её слова: «Иногда молчание говорит громче слов, Аями. И те, кто забыл об этом, проигрывают, даже не успев начать бой».

Я сделала глубокий вдох.

– Потому что, господин Асано, язык веера видят только те, кому он адресован. И только если они воспитывались в тех же традициях и умеют его читать.

Преподаватель смотрел на меня задумчивым взглядом, и я не могла понять, доволен он или разочарован моим ответом.

– Продолжайте, – сказал он.

Я сглотнула.

– Веер – это ещё и защита. Раскрытый, он прикрывает лицо от чужих глаз, не давая прочесть по нему мысли. Сложенный, он может стать оружием, в старину придворные дамы прятали в его ребрах иглы с ядом.

Господин Асано медленно кивнул.

– Кто вас этому научил, Сатоми-сан?

– Моя бабушка, – ответила я. – Сатоми Сидзуэ.

Он ничего не сказал на это, только отвернулся и продолжил урок, будто ничего не произошло.

Но я заметила, как краем глаза он снова посмотрел на меня и в его взгляде было что-то похожее на одобрение.

А потом я встретила взглядом с Кацуро.

Я не смотрела на него специально, точнее, даже запрещала себе смотреть, но чувствовала его присутствие все время.

А теперь, когда наши глаза случайно встретились, странный холодок, который возникал всякий раз, когда он оказывался рядом, снова пробежал по моей коже.

После урока я вышла в коридор последней, задержавшись, чтобы привести в порядок мысли.

– Сатоми-сан, – раздался до боли знакомый голос.

Я медленно обернулась, Кацуро стоял в трёх шагах, прислонившись плечом к стене, его руки были скрещены на груди, и он смотрел на меня с новым выражением, которое я пока не умела читать.

– Мицу-сан, – ответила я, чуть склонив голову, чувствуя, как сердце снова сбивается с ритма.

– Вы сегодня хорошо ответили, – сказал он. – На вопрос про веер.

Это было похоже на похвалу, но голос его оставался ровным.

Глава 22. Взросление детских фантазий.

– Спасибо, – ответила я чуть растерянно, чувствуя, как теплеет на душе от его похвалы, и на лице выступает румянец.

Повисла неловкая для меня пауза, Кацуро спокойно молчал, я тоже не знала, что сказать, в коридоре было пусто, остальные ученики уже разошлись по павильонам.

Кацуро немного наклонил голову жестом, который я видела тысячи раз, и тонкая прядка волос упала ему на лоб, моя рука дернулась к нему, привычно взъерошить его волосы, но тут же опала.

Раньше он не был материальным и этот жест был просто нашей шуткой, я делала вид, что треплю его по голове, а он возмущенно отскакивал и ругался, делая вид, что я могу испортить его прическу...

Сейчас он стоял передо мной из плоти и крови, и дотрагиваться до него взрослой девушке было бы верхом неприличия.

– Вы сказали на днях, что спутали меня с кем-то из прошлого. – Я правда настолько похож?

Я посмотрела ему в глаза.

– Да, очень, – сказала я тихо. – Был один человек. Он... он был моим другом в детстве, но мы не виделись уже несколько лет.

Кацуро нахмурился.

– Он перестал к вам хорошо относиться?

Я не отвела взгляда, – Он меня не помнит.

Он смотрел на меня долго, потом его пальцы дрогнули едва заметно, будто тоже хотел протянуть руку, но передумал.

– Странно, – сказал он. – Забыть того, кто был твоим другом.

Темные глаза пристально смотрели на меня, он был такой серьезный, даже не улыбнулся ни разу, совсем не похож на старого себя. И это лицо, на котором совсем не отражаются эмоции...

– Да, – ответила я. – Вы правы, это очень странно.

Кацуро задумчиво кивнул, развернулся и просто ушёл, не сказав мне больше ни слова, а я осталась гадать, понял ли он, что я говорила про него?

Наверное, нет.

Если бы понял, разве не задал бы он еще вопросы? Не попросил все рассказать?

Я смотрела ему вслед и не знала что делать, оставить все как есть и отпустить или попытаться рассказать ему о нашей дружбе?

– Чтобы что? – сама себе задала вопрос. Зачем ему знать о ней, если он не помнит те чувства, он все равно не сможет почувствовать их.

Просто, чтобы знал, что у нас было что-то ценное и я помню об этом, а он потерял?

Я вздохнула и выбросила эти мысли из своей головы.

Для него я всего лишь незнакомка. Пусть так и останется.

Вечером я читала уроки в общей гостиной павильона «Ласточка», за окном было холодно, но в гостиной было тепло и уютно.

Касуми Рин тоже сидела в кресле, потом вошли еще несколько девушек.

– Сатоми-сан, – окликнула меня Мия, садясь на диван напротив. – Ты сегодня здорово ответила на уроке, господин Асано редко кого хвалит.

– Он меня и не хвалил, – удивилась я ее словам.

– Не отчитать, для него это уже похвала, – усмехнулась Сая. – Поверь мне.

Девушки переглянулись и в их взглядах не было враждебности, только любопытство. Мне показалось это удивительным.

– А правда, что ваш клан может разговаривать с мертвыми? – спросила Хана, понизив голос.

Я посмотрела на неё, вопрос показался мне слишком личным.

Но здесь, в Академии, девочки часто касались таких тем, которые, мне казалось, не должны обсуждаться в слух.

– Не с мёртвыми, – сказала я осторожно. – С теми, кто застрял между мирами, с призраками.

– Жутко, – сказала Мия, передёрнув плечами.

– Не жутче, чем жить с теми, кто живет так словно уже умер, – сказала Касуми Рин вдруг. Все повернулись к ней, но она не смотрела на нас, и её лицо было совершенно бесстрастным.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Сая.

Рин медленно повернула голову.

– Ничего, – сказала она. – Я просто думаю вслух.

Она замолчала и никто не стал её переспрашивать, только тихо зашушукались.

– Каракури опять чудит.

– Странно, что она вообще вышла в общую гостиную.

– А мне кажется, она стала как-то общительнее в последнее время.

Мне не нравились их шепотки и чтобы отвлечь их, я решила задать вопрос, который меня уже несколько дней беспокоил, но спросить я стеснялась.

– Девушки, простите мое невежество, но не могли бы вы прояснить, как именно выбираются пары для занятий и что именно это означает?

Девушки переглянулись, а потом дружно уставились на Ходзё Юки.

– Ничего такого, не переживай, Аями, просто партнеры по занятиям этикетом и другим урокам, нечто вроде тренировки, – Юки немного улыбнулась, закрыла журнал, который держала на коленях и продолжила.

– Девушек в академии меньше, чем парней, поэтому они предлагают свои кандидатуры, а ты выберешь, с кем хочешь заниматься, тех, кому пары не хватит, потом просто жребием распределят.

Я опешила.

Мне придется выбрать парня, а потом еще и общаться с ним?

– Но... – Я замялась, стремительно краснея, чем вызвала смешки нескольких девушек, – у меня есть жених.

– У меня тоже, – захихикала одна из девушек, – это же не тоже самое, парни просто учатся вежливо ухаживать за девушками, не преступая границ.

Юки шикнула на нее, – Вы ее только путаете, дайте нормально объяснить! Никто ни за кем не ухаживает, просто тренируетесь друг на друге этикету, обороне, ну или допустим, если задают писать стихи, он пишет их о тебе, а ты о нем, доводят до автоматизма жесты и тому подобное.

Почему-то мне не стало легче от таких объяснений. Единственный, с кем я чувствовала в себе храбрость общаться хоть как-то из парней – был Кацуро.

Но, судя по тому, что я слышала, на него будет открыта настоящая охота, и не мне надеяться, что он предложит мне быть парой. Эти мысли и расстраивали, и успокаивали меня.

Я еще не разобралась в собственных желаниях, этот новый Кацуро смущал меня, и той прежней легкости и открытости, что была между нами, уже не было.

Замечательно. Просто замечательно.

Я перевела взгляд на падающий за окном снег.

Дирижабль всё ещё был прекрасным.

Дворец тоже.

Но почему-то мне начинало казаться, что самой сложной частью предстоящего путешествия на праздник окажется вовсе не встреча с императорской семьёй.

А совершенно незнакомый юноша, которого однажды посадят рядом со мной и объявят моим партнёром и сопровождающим на все мероприятия.

Я попыталась вернуться к чтению уроков, но сосредоточиться не могла, всё думала о том, как поднимусь в небо на дирижабле и посмотрю на землю с высоты, которую раньше видели только птицы и те, кто родился богатым.

А через несколько дней наставник подтвердил то, что девушки рассказали мне тем вечером.

– Формирование пар является традицией Академии уже много десятилетий, – голос сенсея Асано звучал ровно, как всегда.

Мы сидели на коленях в зале для танцев: большом, светлом помещении с множеством зеркал на стенах и гладким деревянным полом. Под каждым из нас лежала тонкая подушка, чтобы колени не затекали, но я всё равно чувствовала, как немеют ноги. Или это было не от подушек?

Я боялась даже осмотреться по сторонам. Казалось, если я поверну голову, все увидят моё смтение.

Последние дни только об этом и говорили в павильоне «Ласточка». Кто кого выберет и почему, девушки строили предположения, перешёптывались, гадали.

А я молчала, потому что мне нечего было гадать. Я никого не знала и никто не знал меня, вряд ли меня кто-то выберет.

– Сегодня ученики сделают свои предложения, – продолжал господин Асано. – Это не значит, что к вам испытывают чувства, – он немного насмешливо обвел взглядом девушек. Это означает, что именно вас этот ученик считает подходящей парой для обучения. Вы можете отказать, если предложений слишком много, но вежливость требует хотя бы рассмотреть каждое из них.

Он сделал паузу и обвёл взглядом весь класс.

– Девушек у нас меньше, поэтому у некоторых из вас будет по два партнёра для занятий. Это нормально, не паникуйте.

Я внутренне сжалась, значит то, что говорили девушки – правда.

Два? Я и с одним-то не знала, что делать, если он выберет меня. Мне казалось, я буду совершенно бесполезна и стану только мешать... смущаться и краснеть без повода, заикаться, когда он будет ко мне обращаться...

– Начинаем, – сказал преподаватель и кивнул куда-то в сторону мужской половины зала.

Парни вставали со своих мест один за другим. Кто-то уверенно, кто-то с лёгкой заминкой.

В руках у каждого был сложенный лист бумаги, письмо, предназначавшееся для одной из нас.

Глава 23. Выбор не пары

Я видела, как блестят конверты, как переливается на свету дорогая бумага, как у некоторых дрожат пальцы, и мне все меньше казалось, что за этими письмами всего лишь желание вместе учиться...

Парни шли через зал медленно и торжественно, с очень серьезными лицами и все слова senses о том, что это всего лишь мелочь, тут же вылетели из моей головы.

Я сидела неподвижно, сложив руки на коленях, и старалась дышать ровно.

Мы все старались.

Девушки вокруг меня замерли, как статуи, ни улыбки, ни взгляда в сторону парней, только прямой взгляд перед собой и больше ни движения.

Я вспомнила бабушкины уроки. «Твое лицо – это маска, Аями. Никто не должен видеть, что у тебя внутри. Никогда».

Первый парень остановился перед девушкой слева от меня.

Он поклонился, положил письмо перед ней на пол и отошёл. Она даже не взглянула на конверт. Просто кивнула, принимая.

Я смотрела на это и не верила, что сейчас такое же произойдёт со мной.

Второй парень. Третий. Четвёртый.

Моё сердце стучало где-то у горла, но лицо, надеюсь, оставалось спокойным.

Я смотрела прямо перед собой, на стену с зеркалами, и видела в отражении весь зал. Парни шли по проходу, кланялись, оставляли письма.

Девушки принимали их с небольшим поклоном, всё чинно и благородно.

Внутри у меня бушевал ураган.

«Что я здесь делаю? – пронеслось в голове. – Я же не умею этого. Я не знаю ни одного танца. Я даже не знаю, как разговаривать с этими... с ними. Я всего лишь девчонка из трущоб, попавшая сюда случайно».

Но я сидела и молчала.

Когда очередной парень остановился прямо передо мной, моё сердце пропустило удар.

Он был высоким, даже на коленях это было видно. Тёмные волосы аккуратно зачёсанные назад, острые скулы, тонкие губы.

Форма Академии сидела на нём идеально, будто сшита по индивидуальным меркам. А на воротнике был герб его рода, которого я не узнала.

«Я должна знать все гербы, – панически подумала я. – Бабушка учила меня, их не так уж и много, но сейчас я ничего не помню».

Он медленно и очень учтиво поклонился.

Я поклонилась в ответ, как учили, ровно настолько, чтобы не показаться высокомерной, но и не слишком низко, чтобы не унижить себя.

– Сатоми-сан, – тихо сказал этот парень. – Меня зовут Тэрада Хотока. Мой род – хранители восточных границ. Я буду рад, если вы согласитесь стать моей партнершей по занятиям.

Он положил письмо передо мной.

Белый конверт из плотной бумаги, на котором серебряными чернилами был выведен мой герб – призрачный воин на серебряном поле.

Я смотрела на конверт и не могла произнести ни слова.

Тэрада Хотока.

Сын рода хранителей восточных границ. Я вспомнила, это старый род, не слишком богатый, но уважаемый.

Границы – это важно, это честь охранять их и он выбрал меня.

Почему?

Я не понимала.

Мы никогда с ним не говорили. Даже ни разу не замечала, чтобы он смотрел в мою сторону на занятиях.

– Я... – начала я и запнулась.

Господин Асано кашлянул, и я поняла, что должна просто принять письмо. Не отвечать, не говорить «да» или «нет», просто принять, как принимают подарок, который ещё не решили, оставить или выбросить.

Я протянула руку к письму. Пальцы чуть дрожали, но я взяла конверт и положила его рядом с собой на пол.

– Благодарю, Тэрада-сан, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Я подумаю над вашим предложением.

Он кивнул, поднялся и отошёл.

А я осталась сидеть с конвертом, который, казалось, жёг мне бедро через ткань формы.

«Тэрада Хотока, – вертелось в голове. – Почему ты выбрал меня?»

Я запретила себе думать об этом. Вместо этого я украдкой взглянула на мужскую половину зала.

Кацуро спокойно сидел на своём месте.

Он так и не встал.

Не подходил ни к кому, просто сидел, положив руки на колени, и смотрел прямо перед собой. Его лицо было бесстрастным, как каменная маска.

Я не знала, почему это задело меня.

Не должно было, я это понимала...

Ведь я сама себе сказала, что не надеюсь, что не хочу этого. Что всё это сложно и запутанно, но внутри что-то больно сжалось от того, что он не выбрал меня.

«Конечно, – подумала я горько. – Зачем ему я? Мицу Кацуро – наследник воинского рода. Ему нужна ровня, а я... я просто девчонка, которая ничего не умеет».

Я отвернулась.

Вокруг меня другие парни оставляли письма другим девушкам.

Кто-то получил два конверта, к Ходзё Юки подошли сразу трое, и она принимала их с лёгкой, чуть надменной улыбкой, будто так и должно быть. Я даже позавидовала, мне бы такую уверенность в себе.

Мия получила одно. Сая два. А вот Касуми Рин ни одного, но она, кажется, даже не заметила этого.

Когда все письма были розданы, господин Асано снова взял слово.

– Завтра вы должны будете передать свои ответы письменно. Без объяснений, только «согласна» или «отказываю».

Он взмахнул веером.

– А сейчас будем учить традиционный танец. Встаньте парами.

Мы зашевелились, девушки поднимались с колен и переглядывались. Я тоже встала, совершенно не зная, куда идти.

– Сатоми, – окликнула меня Юки. – Встань со мной, я покажу тебе движения.

Я благодарно кивнула и встала напротив неё на расстоянии вытянутой руки.

Господин Асано вышел в центр зала.

– Танец «Утренний туман», – объявил он. – Движения плавные, медленные. Вы изображаете туман, который стелется над землёй, никаких резких жестов. Никаких касаний, только взгляды и наклоны.

Он поднял веер и начал отсчитывать ритм.

– Раз... два... три...

Я смотрела на Юки и повторяла за ней движения, раскинула руки в стороны, плавно, как крылья. Шаг вправо, наклон, взгляд в пол, потом шаг влево, подъём рук, взгляд в потолок.

– Медленнее, – говорил господин Асано, проходя между нами. – Вы не птицы, вы туман, а туман никуда не спешит.

Я старалась, очень старалась, но движения получались угловатыми и неестественными, я сама чувствовала, мои руки не слушались, а ноги путались в шагах.

– Сатоми, не дергайтесь, – раздался голос преподавателя у самого уха. – Туман не дергается, туман плавно течёт.

Я выдохнула и попыталась расслабиться.

Я видела туман чаще, чем что-либо еще, в Осенней обители он был каждое утро, холодный и белый, он стелился по земле, обнимал камни, забирался в ветви сосен. Он никуда не спешил.

Я закрыла глаза и представила.

Моё тело само повело руки плавно и медленно. Шаг, еще шаг, потом наклон и взгляд из-под руки.

– Вот, – услышала я голос господина Асано. – Запомните это состояние.

Я открыла глаза, заметив как Юки улыбнулась мне.

– У тебя получается, – шепнула она.

Я не ответила, только смотрела на своё отражение в зеркальной стене, там была девушка в тёмно-синем кимоно, с высоко поднятой головой и плавными движениями, совсем не похожая на ту Аями, которая год назад мыла полы в доме своей мачехи.

А где-то в другом конце зала Мицу Кацуро танцевал один и его движения были такими же безупречными, как и всё, что он делал.

Я отвернулась и продолжила танцевать, хоть и понимала, что у меня получается не так, как мне бы хотелось.

Когда урок подошел к концу и все покинули зал, я все еще стояла и смотрела на себя в отражении, ко мне подошла Рин.

– Хочешь, я научу тебя танцевать как призрак? – Касуми Рин смотрела на меня с улыбкой.

Я удивилась.

За всё время, что мы жили в одной комнате, я видела её улыбку, наверное, два или три раза. И каждый раз она выглядела неуместно, будто Рин не знала, как правильно улыбаться и просто копировала чужое выражение лица.

– А ты умеешь? – спросила я осторожно, не желая её обидеть.

Рин моргнула.

– Я танцую лучше всех здесь, – ответила она спокойно, как нечто само собой разумеющееся.

Как будто сказала «небо голубое» или «зимой холодно».

Глава 24. Как умеют танцевать каракури.

Я растерялась.

За этой странной, вечно витающей в облаках девушкой я как-то не замечала танцевального таланта.

Она передвигалась по комнате бесшумно, да, но грациозно? Плавно? Я не была уверена, ее жесты всегда казались мне слишком резкими и рваными.

Но я не хотела её обижать.

– Научите меня, Рин-сан, – сказала я и поклонилась ей, как учителю.

Рин кивнула, приняв поклон как должное.

– Встань напротив меня, – велела она. – И смотри.

Я встала, а Рин подняла руки медленно, очень медленно, будто её ладони были наполнены чем-то тяжёлым и невидимым.

Она сделала шаг и я перестала дышать.

Она не двигалась, она словно плыла по воздуху.

Её тело не знало резких движений, не знало углов и силы тяжести.

Каждый плавный жест был продолжением предыдущего, будто она была не отдельным существом, а частью музыки, которую сейчас никто не играл.

Я поняла, что означали слова учителя про туман. Настоящий туман, который стелется над утренним полем, не касаясь земли.

Я смотрела и не верила своим глазам.

Рин, та самая Рин, которая часами сидела в кресле с пустым взглядом и шевелила губами, разговаривая с невидимками, сейчас превратилась в кого-то другого. В танцовщицу, в призрака, в невероятно прекрасное видение.

Её руки описывали круги в воздухе, ноги не отрывались от пола, а скользили по нему, будто она шла по тонкому льду и боялась, что он треснет под ее весом.

– Повторяй за мной, – сказала она, не останавливаясь.

Я попыталась.

Подняла руки и сделала шаг.

У меня получилось угловато, неловко, как у деревянной куклы, которую дёргают за нитки. Каракури здесь была вовсе не она, а я, мои локти торчали в стороны, плечи были напряжены, а пальцы сжаты, будто я держала в каждой руке по кинжалу.

– Попробуй сделать руки помягче, – сказала Рин. – Ты держишь не оружие, а воду.

Я попыталась расслабить кисти, получилось не сразу.

– Не смотри на свои руки, – продолжала Рин. – Смотри туда, куда они текут, руки всегда идут за взглядом.

Я подняла глаза и посмотрела в конец зала, руки сами собой поплыли вверх.

– Лучше, – сказала Рин. – Но ты всё ещё думаешь.

Она остановилась и подошла ко мне. Её лицо было очень серьёзным, почти строгим.

– Послушай, Аями, я танцую так хорошо не потому, что я талантлива и не потому, что меня учили великие мастера.

– А почему же? – спросила я.

Рин посмотрела мне прямо в глаза.

– Потому что я выучила все движения, – сказала она. – До автоматизма, до того, что они стали частью меня, как дыхание, как сердцебиение, а потом я забыла их, научилась отключаться и выключать голову. Отрешённость от мира, от окружающих, от чужих взглядов и чужих мыслей – вот, что позволяет мне двигаться так.

Она коснулась пальцем своего виска.

– Там всегда шум, Аями, голоса, мысли, чужие чувства. Я вижу нити, помнишь? Когда я танцую, я их отключаю. Я остаюсь одна в своей голове, и тогда тело чувствует ритм и двигается само. Без моих дурацких попыток контролировать каждый шаг тела, которое знает, как это сделать лучше, чем я.

Она отошла от меня на шаг.

– Не думай, – сказала она. – Только чувствуй. Доверься телу, оно умнее, чем ты думаешь.

Я закрыла глаза и выдохнула.

Не думать, только чувствовать.

Я вновь медленно подняла руки, ладони расслаблены, пальцы чуть согнуты. Шаг. Ещё шаг.

И вдруг я поняла, что это ощущение – оно было мне знакомым.

Невесомость и лёгкость.

Отрещённость от того, что происходит вокруг, когда тело движется само, без моих команд, без страха ошибиться.

Призрачный шаг.

Рендзо учил меня этому в Осенней обители. Секретное умение клана призрачных воинов – двигаться так, чтобы тебя не видели, не слышали, не замечали, не оставляя следов на песке...

Я помнила, как он говорил: «Тело должно знать, куда идти. Тело, а не голова, просто выключи мысли и стань пустотой».

Сначала я не понимала.

Моя голова всегда была полна страха, воспоминаний, голода, холода, как я могла стать пустотой, если внутри меня было столько всего? Потом научилась.

И сейчас, в этом танце без музыки, без свидетелей, только я и Рин...

Я попробовала сделать тоже самое, не думать. Только чувствовать.

Шаг. Плавный, скользящий, как по льду, корпус чуть наклонён вперёд, руки раскрыты.

Призрачный шаг – это не только движение, это скорее состояние души.

Я открыла глаза.

Рин смотрела на меня с удивлением и восхищением.

– Ты что-то сделала, – сказала она. – Не то, чему я учила.

Я кивнула, всё ещё чувствуя ту странную лёгкость в теле.

– Это умение моего рода, – ответила я. – Призрачный шаг.

Рин кивнула медленно, будто проверяла свои мысли.

– Это очень похоже, – сказала она. – Танец и твой шаг, состояние, когда тело помнит, а голова молчит. Ты просто не знала, что это почти одно и то же, а теперь знаешь.

Она отошла к окну и посмотрела на снег.

– Тренируйся, – сказала она. – Каждый день, не для танцев, а для себя, когда-нибудь это умение спасёт тебе жизнь.

Я не спросила от чего именно оно меня спасёт. Я просто запомнила её слова.

Мы танцевали ещё час. Рин показывала движения, я повторяла, но теперь я не просто копировала, я пыталась удержать то состояние отрешённости, которое нашла случайно, и не думать больше ни о чем.

Иногда получалось, иногда нет, но я чувствовала, что я где-то близко, ещё немного и я смогу входить в это состояние, когда захочу.

Когда мы закончили, я опустила руки и почувствовала, как дрожат пальцы.

– Рин-сан, – я поклонилась. – Вы удивительная, спасибо вам за урок.

Рин только улыбнулась странной, неловкой улыбкой,

– Завтра еще повторим, – сказала она, – ты быстро учишься, скоро будешь танцевать лучше меня.

В Осенней обители Рендзо говорил мне, что это умение приходит только к тем, кто уже уходил из этого мира, разрывал с ним все связи и знает, что чувствуешь тогда.

Слова Рендзо я не совсем понимала, а теперь, кажется, начинала понимать, но как этому научилась Рин?

Хотя, наверное, ей даже не умирая было легче, чем остальным научиться перестать контролировать каждое движение, каждую мысль, каждый вздох. Поверить, что она не хозяйка своему телу, что теперь оно отдельно от нее.

Я подошла к окну, провела пальцем по холодному стеклу.

Сейчас, после этого танца, после разговора с Рин, после того, как я нащупала ту тонкую грань между присутствием и отсутствием себя в этом мире...

Мне казалось, что дирижабль может подождать, потому что я нашла что-то более важное.

Вечером в гостиной павильона «Ласточка» было шумно. Девушки сидели на подушках, пили чай, перебирали письма от парней и обсуждали, кто кому предложил, а кто кому отказал.

Я сидела в кресле у окна, сжимая в руке конверт от Тэрада Хотокки, и чувствовала, как пальцы потеют от волнения.

– Юки-сан, – позвала я, когда разговор стих. – Можно вопрос?

Юки оторвалась от журнала и посмотрела на меня поверх страниц.

– Спрашивай.

– Пристойно ли будет отказать?

В гостиной воцарилась тишина, девушки переглянулись, а Мия вообще поперхнулась чаем.

– Ты получила только одно письмо, Сатоми, – сказала Сая, приподняв бровь. – И отказать? Зачем тебе это?

Я неловко замялась.

– Я просто совсем не умею общаться с парнями.

Юки закрыла журнал и положила его на колени. Её лицо стало серьёзным.

– Слушай, Аями, отказывать вообще-то не принято, если только у тебя не слишком много предложений. Если тебе написали один или два парня, ты должна согласиться, у всех должна быть пара.

– А если я не хочу? – я опустила глаза, чувствуя на себе насмешливые взгляды со всех сторон.

– Традициям всё равно, хочешь ты или нет, – фыркнула Хана. – Это Академия, а не рынок женихов, и тебе просто нужен партнёр для занятий, а не муж на всю жизнь, чего здесь бояться?

Я кивнула, принимая ее слова, но внутри всё нервно сжалось.

Я получила одно письмо и значит у меня нет выбора, я должна согласиться, так и учитель говорил.

– Кому это ты собралась отказывать? – раздался насмешливый голос от двери.

Я подняла голову и увидела, что Кимура Михо стоит в проходе, скрестив руки на груди. Её светлые волосы блестели в свете магических ламп, а на губах застыла ядовитая улыбка. За её спиной маячили верные подруги: Асахи и Ута, которые, кажется, умели менять компанию в зависимости от того, кто был в центре внимания.

– Михо-сан, – сказала я ровно. – Это не твоё дело.

– Ах, неужели? – девушка вошла в гостиную и остановилась напротив меня. – Просто интересно. Ты получила всего одно письмо. Одно, Сатоми. И уже хочешь отказать? Может, мечтаешь о ком-то другом? Интересно, кто бы это мог быть?

Только для читателей 18+

Дорогие читатели, приглашаю вас посмеяться (ну или хотя бы улыбнуться), вместе читая мою новую книгу. Юмиристическое фэнтези. Романтическая эротика. Попаданка в дораму.

Пленница одержимого князя

Читать можно тут: <https://litnet.com/ru/reader/plennica-oderzhimogo-knyazya-b609518?c=8167031>

Аннотация:

Она попадает в дораму, прямо в загребушие лапы мрачного, одержимого злым духом князя.

Он жесток, зол и одинок.

Она в пижаме с жирафами, любит дорамы и котиков...

Выдержит ли мрачный фэнтези мир столкновение с веселой русской девушкой?

Кусочек текста из книги:

Прыжки между мирами, видимо, отнимают много сил, плюс стресс от общения с императором и надежда проснуться в своей кровати под ор голодного кота...

— Ты спи, — сказал он, садясь в кресло у камина. — Я посижу рядом.

— То есть я буду спать, а ты на меня смотреть? Я, знаешь ли, к таким извращениям не привыкла, мне бы теплого чаю и кота, иначе я точно не засну.

— У меня нет кота.

— Это первая проблема, которую мы решим завтра, — кивнула я сонно. — Я в этом мире без кота жить отказываюсь наотрез.

— Спи, — сказал он тихо. — И дай поспать мне, я давно этого нормально не делал.

— А если эта твоя клубящаяся жуть проснётся, пока мы тут спим? Вдруг забеспокоилась я.

— Тогда ты умрёшь, Лиза, — ответил, зевнув император. Вообще никакой эмпатии у человека!

— О, — сказала я. — Очень воодушевляет. Всегда мечтала умереть во сне — пробормотала я, кутаясь в меха.

— Если Тень вернется и внушит мне тебя убить, поверь, ты проснешься, дабы испытать великие муки и страдания перед смертью... так что смерть во сне тебе не грозит, — ответил он так спокойно, что я не нашлась, что сказать.

— Ну ладно, муки так муки, — зевнула я. — Но ты предупреждён. Я тоже не сахар, храплю и разговариваю во сне, а еще пинаюсь, так что в кровать ко мне не пристраивайся. И вообще, если что, я не виновата, ты сам напросился, император Цзынь.

Глава 25. Игры обиженных девочек.

Она притворно задумалась, прижав палец к подбородку и закатив глаза в потолок.

– Неужели о Мицу-сане? Всё ещё надеешься, что он заметит тебя? Что придёт с письмом, упадёт на колени и признается в вечной любви?

Девушки захихикали, а я сжала край кресла, чтобы не вскочить.

– Ты же видела, – продолжала Михо, явно наслаждаясь своей ролью. – Он не подошёл ни к кому, даже ко мне, а уж я-то точно выше тебя по положению. Так что не питай иллюзий, Сатоми. Бери, что дают или останешься вообще без пары. А это позор для твоего клана, не так ли?

Она говорила, а я смотрела на неё и вдруг увидела не злую аристократку, не соперницу.

Я увидела девочку, которая тоже ждала, которая тоже надеялась, как и я, и которую тоже обошли вниманием.

Только в отличие от меня, она не хотела признаваться в этом даже себе, ей было легче нападать на других.

– Ты права, Михо-сан, – сказала я, вставая с кресла. – Мицу-сан не подошёл ни к кому и к тебе тоже.

Она замерла, а я продолжила в тишине полной гостиной.

– Ты поэтому такая злая? – спросила я тихо, глядя ей прямо в глаза. – Потому что надеялась, а он не пришёл?

В гостиной было так тихо, что я слышала, как за окном падает снег.

Михо побелела, её губы дрожали, но она не могла вымолвить ни слова. Её подруги растерянно переглянулись.

– Спокойной ночи, – сказала я, поклонилась всем и вышла из гостиной.

В коридоре сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди, я шла спокойно, стараясь не выдать поспешностью своего смутения.

«Зачем я это сказала? – пронеслось в голове. Я поставила её в такое некрасивое положение, это было почти жестоко.

Я тяжело вздохнула и вошла к себе в комнату, Касуми Рин уже лежала в своей кровати, укрывшись одеялом с головой. Из-под ткани доносилось тихое, уютное сопение.

Я села на свою кровать, взяла конверт от Тэрада Хотокиса и долго смотрела на него. Белая бумага, серебряный герб, чужое имя и незнакомый человек, который почему-то выбрал меня.

«Может быть, – подумала я, – он просто хороший парень. Может быть, ему тоже страшно и одиноко в этой Академии. Может быть, он просто хочет, как и я, не опозориться на танцах».

Я положила письмо на стол, взяла чистый лист бумаги, обмакнула кисть в тушь и написала один иероглиф.

«Согласна».

Я свернула лист, запечатала его в конверт и подписала имя: «Тэрада Хотокиса-сама».

Завтра я отдам этот конверт господину Асано, и у меня появится партнёр, может быть даже новый друг, но не тот, кого я ждала все эти годы.

Я погасила лампу и легла в кровать, глядя в потолок.

«Ты всё правильно сделала, – прошептал голос внутри меня, когда я почти погрузилась в сон, а может, это был голос Кагэхиро-доно? – Нельзя ждать того, кто не приходит».

Я расслабилась и провалилась в сон без сновидений.

Утром я первым делом отнесла письмо господину Асано, он принял его, кивнул и сделал пометку в своём журнале.

– Тэрада-сан будет уведомлён, – сказал он. – Если вы согласились, то сегодня на занятии вы уже будете работать как пара.

Я поклонилась и вышла.

В коридоре меня догнала Юки.

– Надеюсь, ты согласилась? – спросила она, заглядывая мне в лицо.

– Да, – сказала я. – Выбора ведь все равно не было.

Юки вздохнула.

– Может, оно и к лучшему, Аями. Тэрада – хороший парень – тихий и вежливый. Из очень уважаемого рода, он не будет тебя позорить.

– Я больше переживаю, что это я буду позорить его, – смущенно ответила я.

Юки весело улыбнулась.

– Я уверена, что не будешь, ты быстро учишься. И вообще, слишком правильная, чтобы суметь опозорить кого-нибудь.

Она хлопнула меня по плечу и ушла.

Наверно, больше всего меня пугало, что я не знала, что меня теперь ждёт, каким окажется Тэрада Хотока.

Все еще сомневалась, справлюсь ли я с танцами, с этикетом, со всеми этими правилами, которые здесь казались такими естественными для всех, кроме меня и не подведу ли его.

Но одно я знала точно, я не Михо и не буду жалеть себя или злиться на тех, кто меня не выбрал.

Я буду танцевать и учиться, и может быть, однажды, я станцую так, что Кацуро посмотрит на меня и вспомнит все.

А если нет, то чтож. Я хотя бы научусь танцевать для себя и не опозорю Тэрада Хотока.

В зале для танцев было светло и просторно. Сегодня мы стояли не на коленях, а на ногах, нас ждала практика. Господин Асано ходил между нами, поправлял спины, поднимал подбородки.

– Пары, – объявил он. – Встаньте напротив своих партнёров.

Я сделала глубокий вдох.

Тэрада Хотока уже ждал меня. Высокий, с аккуратной причёской и серьёзным выражением лица. Он поклонился, я поклонилась в ответ.

– Сатоми-сан, – сказал он, – я рад, что вы согласились.

– Я тоже рада, Тэрада-сан, – ответила я, чувствуя, как горят щёки.

Он улыбнулся.

У него была хорошая улыбка, совсем не насмешливая и не высокомерная. Мне стало чуть легче.

Мы встали напротив друг друга, соблюдая положенное расстояние. Подняли руки, смотря поверх плеча партнёра.

Господин Асано взмахнул веером.

– Начали. Раз... два... три...

Я закрыла глаза на секунду, вспомнила танец тумана и слова Рин: «Не думай. Только почувствуй» и отключила голову.

Мы медленно двинулись, никаких касаний, только плавные движения, только взгляды и расстояние, которое нельзя было нарушать.

Мужская линия и женская линия двигались навстречу друг другу, потом расходились, снова сходились.

Парни не прикасались к девушкам, только вели их взглядом, только обозначали движения, только создавали пространство, в котором девушка могла танцевать.

Это было похоже на хоровод.

На древний ритуал, где каждый шаг имел значение, каждый поворот головы имел смысл. Я видела отражения танцующих в зеркалах на стенах: тёмные фигуры двигались синхронно, как круги на воде от брошенного в нее камня.

Тэрада-сан двигался уверенно, его руки плавно описывали круг, приглашая меня сделать шаг вперёд.

Я шагнула и он отступил. Я шагнула назад и он снова приблизился, но не коснулся, замер в полшаге, давая мне пространство для поворота.

– Хорошо, – тихо сказал он. – Вы чувствуете ритм.

Я не ответила, я боялась, что если открою рот, отвлекусь на разговоры, то собоюсь.

Мы двигались по кругу – я, Тэрада-сан и другие пары вокруг нас.

Чьи-то руки мелькали в воздухе, чьи-то подола летели за поворотом. Кто-то наступил кому-то на ногу и тихо извинился.

Господин Асано ходил между нами, как коршун, высматривающий ошибки.

– Выше голову, Ходзё! Мягче руки, Мия! Не смотрите в пол, там ничего нет!

Я старалась не смотреть в пол.

Смотрела поверх плеча Тэрада-сана, в зеркальную стену, где отражался весь зал и в отражении я видела Кацуро.

Он стоял в мужской линии один, без пары. Его руки были опущены, лицо бесстрастно. Он танцевал один, но так, словно партнерша у него была.

Я отвела взгляд.

Не думать, только чувствовать.

Я сделала шаг влево, Тэрада-сан вправо мы разошлись, потом снова сошлись. Наши руки почти касались, расстояние в ладонь, ни больше, ни меньше.

Танец закончился так же внезапно, как начался, когда господин Асано хлопнул в ладоши и все замерли.

– Отдых, – объявил он. – Потом продолжим.

Я выдохнула. Тэрада-сан поклонился.

– Вы хорошо танцуете, Сатоми-сан, – сказал он. –

– Спасибо, – ответила я. – Вы меня вели, я просто повторяла.

Он улыбнулся и отошёл к остальным парням.

Я отошла к стене, прислонилась к ней спиной и закрыла глаза, сердце билось ровнее, чем я ожидала. Танец оказался не страшным, даже приятным.

– Сатоми, – окликнула меня Юки. – Ты молодец, а я наступила своему партнёру на ногу три раза, он теперь хромот, пожалел, наверное, что выбрал меня.

Я невольно улыбнулась в ответ, – Бывает.

Юки фыркнула и ушла, а я снова посмотрела на мужскую линию. Кацуро стоял на том же месте. Один.

18+

Дорогие читатели, приглашаю вас познакомиться с книгой моего соавтора Мариэм Санди. Веселая попаданка и мрачный мир с магией крови. Бесплатно.

«Академия А-ии. Отбор для попаданки» <https://litnet.com/shrt/OP0m>

Глава 26. Жребий

Я заметила, что несколько парней тоже были без пар, они стояли чуть поодаль, переговаривались вполголоса.

Господин Асано подошёл к ним.

– У нас остались девушки без партнёров, – сказал он громко, так, чтобы слышали все. – И много парней, поэтому будет проведен жребий.

Он взял со стола деревянную шкатулку, в которой лежали свернутые бумажки.

– Каждый из вас вытянет имя девушки, которая станет его партнёршей.

Парни выстроились в очередь, Кацуρο встал самым последним.

Я смотрела, на то как они подходят, опускают руку в шкатулку, разворачивают бумажку, в основном по лицам было не прочесть их реакции, но некоторые вздыхали облегченно, а некоторые радостно улыбались.

Один парень громко прошептал: «Слава богам, не Ходзё, а то она и мне обе ноги отдавит».

Юки показала ему кулак.

Потом подошла очередь Кацуρο.

Он опустил руку в шкатулку, не глядя вытащил бумажку, развернул и поднял глаза прямо на меня.

Я замерла.

Глава 27. Нити снова пересекаются

Он не улыбнулся и ничем не выдал своих эмоций, просто чуть дольше принятого посмотрел своим внимательным взглядом на меня, а потом отвернулся.

– Ну что там, Мицу? – спросил кто-то из парней.

Кацуро аккуратно сложил бумажку и убрал в нагрудный карман.

– Сатоми, – сказал он ровно.

Я перестала дышать и мне показалось, что вокруг наступила полная тишина.

– Сатоми Аями, – повторил Кацуро, будто пытаюсь распробовать мое имя на вкус. – Мне выпала она.

Я почувствовала, как кровь прилила к щекам, это было невозможно, но из всех девушек, из всех имён в той шкатулке, он вытащил моё.

Сенсей Асано кивнул.

– Тогда вопрос решён, теперь все с парой. Сатоми-сан, отныне у вас два партнёра – Тэрада-сан и Мицу-сан. Не возражаете?

Я открыла рот, но не смогла выдать ни звука.

– Она не возражает, – сказала за меня Юки. – Правда, Аями?

Я кивнула медленно, как кукла н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.